

© 2010 г. Г.М. ЗЕЛЬДОВИЧ

СИНТЕТИЧЕСКИЙ ПАССИВ СОВЕРШЕННОГО ВИДА НА -СЯ: ПОЧЕМУ ЕГО (ПОЧТИ) НЕТ?

Памяти папы – Моисея Горацевича Зельдовича

Рассматривается вопрос, почему аномальны конструкции типа **Книга написалась Иваном*. Показано, что совершенный вид обладал бы здесь перфектным значением 'для говорящего важно, какой результат действия имеет место в момент речи (или иной опорный момент)'. Перфектное значение может выступать в двух разновидностях: «стандартной», вида 'в момент речи имеется книга', и субъектно ориентированной, 'в связи с действием в момент речи важна индивидуальность субъекта', причем для конструкций рассматриваемого типа намного вероятнее второе. Пассив по своей природе требует, чтобы с помощью соответствующего «бессубъектного» предложения (типа *Книга писалась*) можно было назвать ту же самую ситуацию, что и с помощью предложения, где субъект эксплицитен (*Книга писалась Иваном*). Если же перфектность – субъектно ориентированная, то, опуская субъект, назвать ту же самую ситуацию нельзя. В результате между природой страдательного залога и особенностями перфектного совершенного вида возникает конфликт, который и ответствен за аномалию.

1.1. На вопрос о приемлемости страдательных глаголов совершенного вида на -ся, как, например, в **Книга написалась Иваном*, разные авторы отвечают по-разному. Многие считают все подобные формы безоговорочно аномальными, некоторые признают их право на существование в исключительных случаях, а некоторые просто объявляют их с собственно морфологической и семантической точки зрения безукоризненно правильными, хотя и делают оговорку, что стилистическими и/или прагматическими факторами их употребление все-таки ограничено (последняя точка зрения близка Н.В. Перцову, чья статья [2003] содержит богатый материал и обзор литературы; см. также [Апресян 2004: 25–28]).

Мы думаем, что эти глагольные формы, хотя они все шире допускаются языком, особенно разговорным, все равно маргинальны – по причинам, которые имеют в конечном счете прагматическую подоплеку, однако намного более и сложны, и весомы, чем это обычно предполагается, когда говорят о прагматике.

Маргинальность таких форм подтверждается, с одной стороны, мнением семи информантов, с которыми автор работал, а с другой стороны – некоторыми выразительными особенностями их употребления в реальных текстах.

1.2. В реальных публицистических текстах конструкции наподобие *Дорога построилась, Книга написалась, Книга прочиталась, Белье постиралось* встречаются довольно часто, но практически никогда не имеют эксплицитного субъекта: в выборке из 200 примеров эксплицитного субъекта в творительном падеже не имел ни один (литературные примеры такого типа изредка встречаются, но в них значимость субъекта ощутимо понижена некоторыми привходящими обстоятельствами; см. ниже, п. 1.3)¹.

¹ Это, безусловно, не случайно: позже мы увидим, что с наличием или, по крайней мере, возможностью эксплицитного субъекта как раз и связана аномалия в конструкциях типа **Книга написалась Иваном*.

Важное замечание. Ниже, если не оговаривается иное, эксплицитным субъектом будет называться именно субъект в творительном падеже. Назвать производителя действия часто можно и оборотом типа *у меня* (*У меня книга прочиталась взахлеб*), но по семантике это не производитель действия. Например, если учитель скажет *У меня книга читается взахлеб*, это может значить, что читается не им, а учениками. Допустимо и синтагматическое совмещение с творительным падежом: *У меня подчиненными все делается вмиг*. Самое главное, что оборот такого типа не является необходимой структурной составляющей страдательного предложения, а интересующая нас аномалия, как будет видно позднее, объяснима именно конфликтом необходимых компонентов пассива. Поэтому ниже возможность такого «квазисубъекта» в расчет не берется.

Если эксплицитный субъект в реальных примерах практически не встречается, то он скорее всего и мыслится как недопустимый. Логично предположить, что интересующие нас конструкции – это либо не пассив, а *декаузатив*, либо пассив, но пассив, *исключающий возможность прямо сказать о субъекте*. В типологии пассив такого рода известен (например, в языке гуичол [Comrie 1982]; почти бессубъектен, по данным [Haig 1982], пассив в западноармянском), но для русского языка он, по меньшей мере, весьма экзотичен. Если это *декаузатив*, то тоже крайне странный. С одной стороны, в пассиве, к которому безусловно восходят обсуждаемые конструкции, субъектом очень часто является человек: именно человек является прототипическим субъектом переходного предложения [Hopper, Thompson 1980; Croft 1994], а страдательный залог легче всего (в русском языке – почти исключительно) образуется как раз от предложений переходных. С другой стороны, *декаузативные* глаголы указывают на самопроизвольное действие и при одушевленном деятеле вообще-то не образуются; например, нельзя сказать *Окно открылось* или *Машина сломалась*, если известно, что открыл окно или сломал машину *кто-то*.

В обоих случаях с появлением конструкций типа *Книга написалась* должна быть связана серьезная перестройка существующей грамматической системы, и этим, видимо, объясняется, почему для людей пуристической ориентации они малопримемлемы.

Добавим, что там, где действие осуществляется человеком, а говорящий использует конструкцию, не отводящую человеку-исполнителю синтаксического места, возникает ощутимый и малопримемлемый для непредвзятого слушателя эффект «расчеловечивания». Не случайно, что в наибольшей степени допустимы такие примеры, где называется хорошо автоматизированное действие, типичным исполнителем которого уже перестал быть человек, ср. *Белье постиралось*, *Смета составила*.

Не случайно и то, что во фразах обсуждаемого типа в роли подлежащего-объекта практически никогда (исключение, которое найдено в нашей выборке из 200 подобных примеров, – *Абитуриент завтра прослушается*) не оказываются люди – хотя вообще-то в страдательном залоге такое бывает нередко, ср. *Иван наказан*; *Иван выбран в профессора*; *Взвод отправлен на учения* и т. д. Если по аналогии с *Дорога построилась* вообразить фразу *Взвод построился*, то единственной допустимой интерпретацией будет собственно-возвратная, но никак не страдательная. Фраза *Больной прооперировался* (*прооперируется*) подходит только к экзотическому случаю, когда операция производится больным на себе, то есть у глагола снова не пассивное, а собственно-возвратное значение.

Заметим, что и конструкция *Абитуриент завтра прослушается* трактуется абитуриента уничижительно – как объект, относительно которого надо принять решение, но его индивидуальность не слишком важна.

Таким образом, несмотря на их достаточную частотность, конструкции типа *Дорога построилась* все-таки едва ли вполне правильны – как по собственно грамматическим, так и по стилистическим соображениям.

1.3. Еще нагляднее ущербность этих конструкций проявляет себя при опросе информантов. Ниже приводится выборка оцененных информантами примеров. Поскольку разброс мнений в некоторых случаях был весьма велик, каждый пример сопровождает-

ся указанием, как его оценил каждый отдельный информант². Оценка дается по шкале от 2 до 5, где балл 2 указывает на полную аномальность, 3 – на отчетливую неловкость, 4 – на умеренную неловкость или странность, 5 – на безукоризненность. Если информант затруднялся с однозначным ответом, он имел право дать ответ вида «5–4». Чтобы в дальнейшем с примерами было проще работать, им дается сводная «среднеарифметическая» оценка с помощью традиционных помет «!», «*», «??» или «?», репертуар которых мы ради большей точности расширили за счет гибридов типа «?*/*».

- (1) ^{???}Дорога уже построилась (3, 4, 3, 4, 3, 3, 4).
- (2) ^{*}Дорога уже построилась нашей фирмой (2, 2, 3, 2, 3, 2, 2).
- (3) [?]Книга написалась (3, 5, 4, 3, 4, 3, 4).
- (4) ^{*}Книга написалась Иваном (2, 2, 3, 2, 2, 2, 2).
- (5) ^{??}Эта книга напишется не Иваном, а кем-то другим (2, 3, 3, 3, 2, 3, 2-3).
- (6) ^{*}Эта книга написалась не Иваном, а кем-то другим (2, 2, 2, 3, 3, 2, 2).
- (7) [?]Машина помылась дождем (4, 2, 3, 4, 3, 3, 5, 4).
- (8) ^{??}Машина помоеется дождем (3, 3, 4, 3, 4, 3, 3).
- (9) ^{??}Машина за считанные минуты помылась дождем (5-4, 2, 3, 3, 3, 4, 3).
- (10) ^{???}Такая смета составит наш компьютер (3, 3, 3, 4, 4, 3, 3).
- (11) ^{??}Такая смета составила наш компьютер (3, 2, 3, 4, 2, 3, 2).
- (12) ^{??}Смета составила компьютер за две минуты (5, 2, 3, 5, 3, 3, 2).
- (13) ^{??}Смета составила компьютер (4, 3, 3, 5, 3, 2, 2).
- (14) ^{???}Смета хорошо (легко) составила компьютер (5, 3, 3, 3, 4, 4, 3).
- (15) [?]Смета составит за пять минут (5, 4, 4, 5, 4, 4, 4).
- (16) ^{!?}Книга быстро раскупилась публикой (4, 3, 3, 4, 3, 4, 4).
- (17) ^{??}Книга раскупилась публикой (4, 3, 3, 3, 3, 4, 3).
- (18) ^{!?}Дорога осилится не простым терпением путника, а каким-то иным терпением (Ю. Нагибин) (5, 4, 5, 4, 5, 5, 4).
- (19) [?]Дорога осилилась не простым терпением путника, а каким-то иным терпением (3, 4, 3, 4, 4, 4, 4).
- (20) [!]Следовало бы отдать под суд боцмана, если все, что говорил Митюшин, подтвердится дознанием (К. Станюкович; пример заимствован из статьи Н.В. Перцова) (5, 5, 5, 5, 4, 5, 5).
- (21) ^{!?}Книга Поля де Крюи «Охотники за микробами» прочитается с большим интересом и специалистом-микробиологом и юношей, не издавшим еще ни одной научной книги (Н. Кольцов; пример заимствован из статьи Н.В. Перцова) (5, 4, 4, 4, 5, 4, 4).

Глядя на этот материал, можно сделать, по крайней мере, три вывода.

Вывод первый, совершенно бесспорный и особенно важный для нас, состоит в том, что интересующая нас страдательная конструкция в той или иной степени *почти всегда отклоняется от нормы*.

Даже предложение (20), получившее у информантов (почти) единогласно позитивную оценку, нельзя рассматривать как контрпример, ибо у него есть очень яркая и редкая особенность.

Обычно субъект действия и само действие друг от друга независимы в том смысле, что это же действие способен совершить и другой субъект, а данный субъект способен совершить и другие действия. Там, где у действия могут быть разные субъекты, вполне возможно, что индивидуальные черты этих субъектов как-то отразятся на его результате (например, когда данную книгу прочел Иван, она вызвала у него только раздражение, а когда Петр – она его вдохновила к собственному творчеству).

В примере (20), чтобы обсуждаемую информацию юридически подтвердить или опровергнуть, необходимы вполне определенные установленные законом действия, позволяющие те или иные утверждения признать истиной или ложью, то есть необходимо

² Информантами были в основном филологи очень высокой квалификации. Всем информантам – большое спасибо.

именно *дознание* (либо *расследование*, либо *следствие*; от выбора синонимов ничего не меняется; если говорить, допустим, об *экспертизе* или *опросе свидетелей*, то это опять-таки составная часть дознания). Таким образом, субъект *дознание* здесь ни с каким отчетливо противопоставленным субъектом не альтернирует, а это значит, что на результате действия *подтвердится* особенности этого субъекта сказаться не могут – а позже мы увидим, что именно возможность такого индивидуального отпечатка в конечном счете как раз и ответственна за аномалию в пассивных предложениях интересующего нас типа, так что этот пример является тем исключением, которым подтверждается правило.

Заметим еще, что похожая конструкция с субъектом *свидетели* ([?]*Следовало бы отдать под суд боцмана, если все, что говорил Митюшин, подтвердится свидетелями*) по самой скромной мерке неловка. С одной стороны, вместо свидетелей подтвердить что-то может и сам провинившийся или – иной обвиняемый. С другой стороны, речь тут идет скорее не об однозначном подтверждающем обвинение *юридическом* выводе, а просто о *словесном действии*, когда кто-то, допустим, сказал «Да, так». Такое подтверждение имеет разную силу в зависимости от нашего доверия к сказавшему. Ввиду этих двух обстоятельств на результате такого подтверждения (на том, насколько мы склонны всерьез с ним считаться) уже *может* отразиться индивидуальность субъекта – и отсюда странность приведенной конструкции.

Таким же подтверждающим правило исключением видится нам и почти безупречный пример (21). Стоит вместо *прочитается с большим интересом и специалистом-микробиологом и юношей, не выдавшим еще ни одной научной книги* сказать просто ^{??}*прочитается с большим интересом специалистом-микробиологом* или ^{??}*прочитается с большим интересом юношей, не выдавшим еще ни одной научной книги* – как предложение станет аномальным. Дело в том, что в (21), по общему смыслу этого предложения, оказывается (относительно, конечно) *безразлично*, кто именно будет читать, а тем самым нивелируется потенциальное влияние субъекта (специалиста либо юноши) на то, какого характера будет результат.

Второй подсказываемый нашим материалом вывод состоит в том, что обсуждаемые предложения выигрывают, если в них нет эксплицитного субъекта в творительном падеже³. Пример (1) лучше, чем (2), а пример (3) – чем (4). Почти приемлемый пример (15) имеет безусловное преимущество перед похожими, но имеющими эксплицитный субъект примерами (10–14).

Наконец, контраст между фразами (5) и (6), (10) и (11), (18) и (19) показывает, что при прочих равных условиях будущее время несколько лучше прошедшего. Явной неудачей грозит и перевод в прошедшее время фразы (21) (^{???}*Книга Поля де Крюи «Охотники за микробами» прочиталась с большим интересом и специалистом-микробиологом и юношей*). Диссонируют с этой закономерностью только примеры (7–8), где форма прошедшего времени [?]*Машина помылась дождем* была оценена лучше, чем будущее ^{??}*Машина помоемся дождем*⁴.

Разумеется, эти три вывода имеют разную степень достоверности. Первый (что в целом рассматриваемые конструкции не отвечают языковой норме) бесспорен, второй (что они несколько лучше, если не имеют эксплицитного субъекта) почти бесспорен, третий – скорее правдоподобная гипотеза, достойная более тщательной проверки.

³ Ю.Д. Апресян [2004: 27] вообще считает, что «в рассматриваемой конструкции невозможен агент в форме ТВОР». Учитывая литературные примеры (21) и особенно (20), который признан безукоризненным, мы предпочитаем от такой резкой формулировки воздержаться.

⁴ По-видимому, точно так же благоприятно и сослагательное или повелительное (в сослагательном смысле) наклонение глагола. Так, предложение ^{??}*Если бы эта книга написалась не Иваном, а кем-то другим, наверняка не разразилась бы такая критическая буря* хоть и неудачно, но все-таки безусловно лучше, чем (4); предложение [?]*Составься такая смета компьютером, она бы оказалась намного удобнее для чтения* лучше, чем (13). Ради простоты мы такими примерами оперировать не станем. Заметим только, что причина их преимущества та же, что и причина преимущества будущего времени перед прошедшим; см. 11.3.

Наша основная задача состоит в том, чтобы объяснить общую неловкость или ущербность обсуждаемых конструкций, то есть объяснить первый из названных фактов (а одновременно – объяснить, почему *правильны* коррелятивные аналитические конструкции наподобие *Книга написана Иваном*). Что касается таких отчасти «исправляющих» обстоятельств, как отсутствие эксплицитного субъекта, будущее время или референциальная неопределенность субъекта (о которой мы здесь умолчали, но обсудим ее в своем месте), то их анализ составляет скорее побочную линию наших рассуждений, так что некоторая гипотетичность соответствующих посылок основным защищаемым ниже положениям не угрожает.

Чтобы упростить изложение, сперва мы займемся конструкциями с эксплицитным субъектом и с прошедшим временем глагола, а о предположительно смягчающих аномалию факторах скажем отдельно.

2.1. Изложим коротко, в чем, по нашему мнению, причина аномалии в предложениях наподобие (2) **Дорога уже построилась нашей фирмой* и (4) **Книга написалась Иваном*.

2.2. Природа страдательного залога состоит в «подавлении» субъекта: он становится синтаксически необязательным, а это значит, что ту же самую ситуацию, какая названа, допустим, фразой *Дом строится нашей фирмой*, мы должны быть готовы назвать и фразой без эксплицитного субъекта – *Дом строится*.

2.3. В конструкциях типа (2) и (4) совершенный вид имел бы перфектное значение ‘для говорящего важно, какой результат действия имеет место в момент речи (или иной опорный момент)’.

Результат, о котором идет речь, должен быть не просто «типовым» результатом данного действия (как, допустим, наличие книги или дороги), но состоять в том, что в момент речи в связи с данным действием важна индивидуальность субъекта: книга несет на себе отпечаток личности Ивана, качество или иные черты дороги связаны с данной фирмой, либо, наоборот, написание книги каким-то значимым образом повлияло на «жизненную историю» Ивана, строительство дороги изменило что-то важное для фирмы.

2.4. При переходе от фраз (2) и (4) к «бессубъектным» *Дорога построилась*; *Книга написалась* эта особая, субъектно ориентированная перфектность должна исчезнуть, а вместо нее – появиться перфектность «типовая» (есть дорога, есть книга).

2.5. Если «типовая» перфектность в предложениях (2) и (4) может отсутствовать, а в редуцированном (поверхностно бессубъектном) их варианте она неизбежна, то нельзя считать, будто с помощью редуцированного варианта описывается *та же самая* ситуация, что и с помощью предложений (2) и (4).

Таким образом, предъявляемое страдательным залогом требование, чтобы мы могли ту же ситуацию мыслить в отвлечении от субъекта, здесь нарушается, и отсюда аномалия.

Подробному обоснованию этих тезисов и посвящена наша статья.

3.1. В первую очередь нам следует задуматься над природой страдательного залога.

Мы принимаем широко распространенную точку зрения, что существо страдательности состоит в «подавлении» (в английской традиции *demotion*) подлежащего (см. особенно [Grimshaw 1990: 109–118]; ср. также [Siewierska 1988]; тот же взгляд разделяет и Петербургская типологическая школа, ср. [Мельчук 2004; Храковский 2004]), то есть в превращении подлежащего в факультативный, без ущерба опускаемый сирконстант (или – в синтаксический ноль, как в безличном пассиве); ср. *Книга читается Иваном* => *Книга читается*⁵.

⁵ Иногда принимают, что конструкции типа *Книга читается* напрямую производны от неопределенно-личных, вроде *Книгу читают*, а не от полного пассива (например, *Книга читается Иваном*). Убедительные доводы против такой точки зрения приводятся в [Храковский 2004: 513–515].

До сих пор остается популярным и другой взгляд: существо пассива – в выдвигании на первый план (в типичном случае – на роль подлежащего) объекта, а не в подавлении субъекта; например, так интерпретирует пассивность Н. Перцов [Перцов 2003: 57]⁶.

С этим нельзя согласиться по целому ряду причин.

Во-первых, во многих языках встречается высокопродуктивный безличный пассив (обычно типа польского *Przeczytano książkę* букв. ‘прочитано книгу’), который по своим важнейшим свойствам смыкается с пассивом «обычным», типа *Книга читается Иваном*, однако никакого выдвигания объекта здесь нет: есть только «подавление» подлежащего; см. подробнее исключительно влиятельную работу [Comrie 1977]; ср. также [Сибатани 1999]. Как пишет по поводу взаимоотношений между личным и безличным пассивом Т. Гивон, «при типологическом изучении пассива важно не слишком сужать наше представление о том, что относится к пассиву, и, таким образом, не выплескивать вместе с ненужной нам водой чудесное дитя – наш страдательный залог. Когда страдательная конструкция исторически восходит к имперсональной сфере, она может сохранить больше черт транзитива / актива, но само по себе это не делает ее менее страдательной» [Givón 1982: 158; перевод наш. – Г. 3.].

Во-вторых, даже если нас смутят некоторые несомненные различия между личным и безличным пассивом (см. особенно [Blevins 2003]), то и, ограничив наши рассуждения пассивом первым, вывод придется сделать точно такой же. Как известно, объект в личном пассиве уподобляется подлежащему в разной, иногда весьма *незначительной* степени (причем от этого зависят многие свойства соответствующего конкретного пассива; см. [Givón 1982] с дальнейшей литературой), а «подавление» субъекта происходит *всегда*.

В-третьих, связывая страдательность в первую очередь с повышением ранга объекта, мы упустим еще одну типологически важную генерализацию. Интуитивно несомненно близкое родство между пассивом и декаузативом (конструкциями типа *Ваза разбилась*, *Дверь открылась*): в частности, в несовершенном виде, где не заблокирована страдательная интерпретация, они вообще часто трудноразличимы, ср. *Вазы разбивались* (‘кем-то’ => пассив; ‘сами по себе’ => декаузатив); *Двери открывались* (‘кем-то’ => пассив; ‘сами по себе’ => декаузатив)⁷. Однако так же несомненно и то, что существо декаузатива – не в выдвигании объекта, а в *устранении субъекта-каузатора* [Падучева 2001].

Принимая во внимание глубокую интуитивную аналогию между декаузативом и пассивом, мы должны думать, что в отводе субъекта на второй план состоит и существо страдательности.

В-четвертых, как показал М. Сибатани ([Shibatani 1985: 830–837; Сибатани 1999]; ср. [Зельдович 2007]), в языках мира возможность пассивной трансформации напрямую зависит от агентивности подлежащего: чем оно агентивнее, тем скорее пассивизация окажется возможной, – а с другой стороны, зависимость между ее возможностью и уровнем пациенсности прямого дополнения (если оно вообще есть; напомним, что часто пассив образуется от *непереходного* предложения) хоть и наверняка существует (хотя бы потому, что высокоагентивное подлежащее называет участника ситуации, который в другом участнике вызывает изменения, то есть одновременно предполагает и наличие достаточно типичного пациенса; см. особенно [Dowty 1991]), но намного менее прозрачна, чем зависимость первая. Таким образом, пассивизация в большей степени «контролируется» свойствами субъекта, который, следовательно, и является ее «главным действующим лицом».

⁶ Из западных работ близка к этой точке зрения статья [Arce-Arenales, Axelrod, Fox 1994], где общей чертой всех возвратных форм признается то, что подлежащее затронуто действием. Применительно к страдательному залогу это значит, что подлежащее объектно, а объект – «подлежащен». Это не совсем то, что предлагает Н.В. Перцов, но ориентация на определение пассива с точки зрения свойств не субъекта («бывшего» подлежащего), а «нынешнего» подлежащего (объекта) здесь точно та же.

⁷ Об этом сходстве см. особенно [Siewierska 1984: разд. 2.3].

В-пятых, для трактовки пассива как повышения ранга объекта не очень приятно то обстоятельство, что в ряде языков пассив оказывается вежливой формой [Shibatani 1985: 830–839, особ. 829 и 837–839]. Дело здесь в том, что агенс *не называется прямо*, то есть *понижается в ранге* (известно, что уклонение от прямого упоминания людей – одна из широко распространенных стратегий вежливости).

Разумеется, можно утверждать, что понижение агенса в ранге – только *сопутствующее обстоятельство*: существо пассива в повышении ранга объекта, а как только объект становится подлежащим, субъект автоматически «теряет в весе» – и именно этот побочный результат эксплуатируется там, где у страдательного залога появляется оттенок вежливости. Однако такое рассуждение настораживает: получается, что явно периферийная «вежливая форма» пассива в своей деривации опирается на его *периферийное* семантическое свойство (понижен ранг субъекта). Такое объяснение *сложнее*, чем если мы свяжем эффект вежливости с *центральным* (а потому и прагматически более доступным) признаком страдательного залога, считая таковым как раз «демоцию» субъекта. Принять более сложное объяснение мы имеем право тогда, когда у него есть преимущество в предсказательной силе. Мы такого преимущества не видим.

В-шестых, если признать, что существо пассива заключено в повышении ранга объекта, то ниоткуда не следует, что субъект должен стать именно сирконстантом, а не *обязательным* косвенным дополнением. Между тем принять во внимание факультативный характер субъекта при объяснении целого ряда явлений совершенно необходимо.

В частности, пассив плох там, где индивидуальность субъекта важна и этот субъект *нельзя мыслить обобщенно*.

Посмотрим на примеры ((23) и (26a) взяты из [Israeli 1997: 170, 181]):

(22) *Иваном поднимаются ('Иван может поднять') сто килограммов (ср. **Поднимают сто килограммов*).

(23) ??Мужем выясняется вопрос о поездке по Волге (ср.: **Выясняют вопрос о поездке по Волге*).

(24) ??Моя книга почитывается Иваном (ср.: ??*Мою книгу почитывают*).

(25) ??Ключи часто теряются сотрудниками лаборатории (ср.: ??*Ключи часто теряют*)⁸.

(26) а. *Марки собирались Олегом (ср. действительный залог с опущенным субъектом: **Марки собирают*);

б. !Марки собраны в ящик Олегом (ср. !*Марки собрали в ящик*).

(27) а. *Эти факты понимаются учеными (ср.: ??*Эти факты понимают*);

б. !Эти факты понимаются учеными как свидетельство существования снежного человека (ср.: !*Эти факты понимают как свидетельство существования снежного человека*).

(28) а. *Экспонаты музея видятся туристами (ср. ??*Экспонаты видят*);

б. !Экспонаты музея осматриваются туристами (ср. !*Экспонаты осматривают*).

(29) а. *Симфония слышится публикой с большим удовольствием (ср. ??*Симфонию слышат*);

б. Симфония слушается публикой с большим удовольствием (ср. !*Симфонию слушают*)⁹.

⁸ Оба предложения в (23) гораздо лучше с другим порядком слов: ?*Вопрос о поездке по Волге выясняется мужем*; *Вопрос о поездке по Волге выясняют*. Почему так, мы не знаем. Оба предложения в (25) станут лучше, если с помощью оборота *у нас* или другого подобного обстоятельства хотя бы в первом приближении пояснить, *каков* может быть субъект: *Ключи у нас часто теряются*; *Ключи у нас часто теряют*. В обоих случаях для нас важно, что улучшение неопределенно-личной конструкции сопряжено с таким же улучшением пассива.

⁹ Полезно помнить, что есть и более сложные примеры. Фраза *Жизнь понимается йогами как путь к самоусовершенствованию* правильна, хотя нельзя сказать ??*Жизнь понимается как путь к самоусовершенствованию*. Видимо, здесь к аномалии приводят посторонние факторы и потому важно только, чтобы соответствующее предложение без явного субъекта было приемлемо в *каком-то* – не обязательно именно таком – контексте. Здесь как раз так и обстоит; ср. правильное: *Если жизнь понимается как путь к самоусовершенствованию, то успех приходит сам собой*.

Здесь видно, что страдательный залог обычно удачен именно там, где удачно соответствующее неопределенно-личное предложение, то есть удачен, когда индивидуальностью субъекта можно пренебречь.

Если принять, что страдательная конструкция делает субъект (факультативным) сирконстантом, приведенные факты получают немедленное простое объяснение: субъект в страдательном предложении сирконстантен, а значит, может быть опущен – однако конкретный смысл аномальных предложений в ряду (22–29) такому опущению принципиально препятствует, и отсюда их аномальность. Если занять противоположную точку зрения и считать главным признаком пассива перевод объекта в подлежащее, то, повторим, синтаксическая факультативность субъекта этим не предопределяется: он может быть не факультативным, а *необходимым* дополнением. В таком случае, чтобы объяснить обсуждаемые примеры, надо признать, что при пассивной трансформации, *во-первых*, повышается синтаксический статус объекта, а *во-вторых* – понижается в статусе субъект. Это объяснение равносильно отказу от тезиса «пассив = продвижение объекта в позицию подлежащего» – в пользу тезиса о его синкретической, двойкой природе. О подходе этого типа мы скажем позднее, а здесь только заметим, что такое представление сложнее нашего «пассив = перевод субъекта в сирконстанты», но не имеет никакого преимущества в объяснительной силе (см. ниже, п. 3.3).

3.2. Сказанное вовсе не противоречит тезису, что в русском языке при переходе от действительного к страдательному залогу ранг объекта повышается. Во-первых, русский пассив почти всегда «повышающий», т. е. падеж объекта принудительным образом меняется с винительного на более «привилегированный» именительный. Во-вторых, то обстоятельство, что при пассивизации понижается ранг субъекта, едва ли могло бы быть достаточным *функциональным* мотивом для употребления страдательного залога: если субъект маловажен, то к услугам говорящего по-русски, как правило, есть неопределенно-личные предложения типа *Книгу читают* с формально не выраженным подлежащим. Отсюда видно, что русский страдательный залог будет употреблен, скорее всего, там, где говорящему *нужно* повысить ранг объекта. Таким образом, в тезисе «пассив = перенесение объекта в позицию подлежащего», безусловно, есть своя правда, только нужно понимать, что речь тут идет о *прагматических особенностях русского страдательного залога*, а не о сущности залога вообще.

Вести же разговор о залоге корректнее в более общих терминах, поскольку залоговая оппозиция есть в огромном числе разнотипных языков (см. особенно [Siewierska 1984; 2005]), и, определяя ее применительно лишь к отдельным языкам (напомним здесь, что объект повышается в ранге далеко не везде, см. выше), мы упустим важную генерализацию.

3.3. Напоследок скажем еще об одном воображимом решении проблемы, с которым мы тоже не хотим согласиться.

Помимо рассмотренных нами теорий залога, есть и теория синтетическая: категория залога устроена по принципу прототипа, так что в общем случае речь должна идти не об «абсолютной» страдательности (или ее отсутствии), а том, насколько данное предложение близко к соответствующему прототипу, который включает в себя одновременно и понижение ранга субъекта, и продвижение объекта в более привилегированную позицию, и его топиализацию [Shibatani 1985].

Однако из всего нами изложенного вытекает, что превращение субъекта в сирконстант – это не факультативная, а *необходимая* черта пассива; с другой стороны, помещение объекта в позицию подлежащего обязательным не является, но «сирконстантизацией» субъекта лишь с высокой вероятностью имплицитруется.

Далее, если в прототипическом случае страдательный залог служит еще и топиализации (см. особенно [Shibatani 1985: 830]), то есть облегчает анафорическое или иное связывание ставшего подлежащим объекта с предыдущим текстом (поскольку именно подлежащее – самый доступный для такого связывания член предложения), то эта черта – лишь следствие (причем, очевидным образом, необязательное; ср. контр-пример *Нашей лабораторией проведены сенсационные исследования с нетопикальным*

подлежащим)¹⁰ той синтаксической привилегированности объекта, которая сама предопределяется уходом агенса на второй план.

Таким образом, даже если мы условимся применительно к страдательному залогу говорить о прототипе, необходимо добавить, что организован он достаточно строго: есть *непременная* черта (понижается ранг субъекта), и есть две черты, которые могут появиться как ее следствие (что признает и сам М. Сибатани [Shibatani 1985, особ. 830]). Эта картина настораживает. В большинстве случаев черты прототипа друг от друга не зависят или зависят весьма опосредованным образом. Скажем, для прототипической птицы, которая летает, и величина ее, условно принимая, не меньше, чем у воробья, и не больше, чем у орла, способность летать и определенные размеры – это два *независимых* признака (если не углубляться в рассуждения о том, что при определенном соотношении между размером и весом становится трудно летать и т. п., – в рассуждения, которые наивный носитель языка вести не очень склонен).

В свое время, выступая против безоглядного постулирования прототипов, А. Вежбицкая показала, что если многообразные черты какого-то предмета все с той или иной долей вероятности выводимы из одного его свойства, то именно последнее необходимо и достаточно учесть в соответствующей дефиниции. Разумеется, к ней иногда полезно дать добавления в духе «что еще можно сказать о предмете», но их теоретический статус заведомо ниже, чем у главной части определения [Wierzbicka 1985].

Учитывая эти обстоятельства, определять страдательный залог в терминах прототипа представляется излишним – ибо ориентированная на инвариант формулировка «смысл пассива в том, что понижается ранг субъекта» объясняет интересующие нас факты не хуже, зато выигрывает в простоте и определенности.

4. Итак, в страдательном залоге субъект «подавляется», представляется как такой участник ситуации, который легко может оказаться «за кадром», причем это не побочное следствие каких-то *иных* синтаксических передвижений, которым теоретически можно пренебречь, а само *существо* пассивной трансформации.

Это значит, что наряду с пассивной конструкцией вида *OVS*, то есть с эксплицированным субъектом, применительно к данной ситуации уместна и конструкция вида *OV* – с субъектом неэксплицитным. Иначе говоря: *ситуацию, которую можно назвать полной страдательной конструкцией OVS, можно назвать и соответствующей редуцированной конструкцией OV*. Если исключения из этого правила есть, то они всегда имеют *постороннюю* мотивацию, как, например, отсутствие необходимого antecedenta во фразе *Собраны свои вещи (от Иваном собраны свои вещи).

Однако возможность одновременно и эксплицитного, и имплицитного субъекта противоречит свойствам, которые имел бы в таких конструкциях совершенный вид.

5. Сначала поясним, как мы себе представляем значение совершенного вида вообще и каковы конкретные типы его употребления.

Разумеется, вести речь о типах употребления синтетических личных форм СВ можно с полным правом только применительно к корректным конструкциям, то есть применительно к действительному залогу. Однако поскольку, за вычетом актуально-длительного варианта, который, по крайней мере, неловок или вообще исключен [Gerritsen 1990: 7–8, 25–26, 131 и др.], в синтетическом пассиве *несовершенного* вида наблюдаются стандартные типы употребления, характерные и для соответствующих активных форм (многократный: *Каждый раз, когда эта книга кем-то читается...*; имперфектный (общефактический): *Эта книга кем-то уже читалась*; потенциальный: *Эта кодировка компьютером читается, а эта – нет*), – постольку и от совершенного вида в синтетическом пассиве – будь он приемлем – разумно было бы ожидать *тех же самых* типов употребления, что и в соответствующих конструкциях действительного залога.

¹⁰ В работе [Noonan 1994] показано, что ирландская структурно пассивная конструкция вообще никогда не служит топикализации – а если топикализация объекта необходима, то используется функционально пассивная модель, которая структурно не страдательна.

По нашему мнению, основным и инвариантным значением совершенного вида является единичность, а именно – единичность данной ситуации в некотором множестве ситуаций (этим не исключается множественность *самых таких множеств*, то есть благоприятным образом не исключаются примеры с наглядно-примерным СВ, типа *...всегда придет и нагрубит*). При этом несовершенный вид (который здесь нас специально не интересует) всегда указывает на ту или иную *множественность* ситуаций.

Как мы показали в [Зельдович 2002а; 2002б], такой подход позволяет справиться с огромным числом классических для аспектологии трудностей, в частности, а точнее в первую очередь, объяснить, почему и как возникают отдельные типы употребления видов¹¹.

Что касается типов употребления совершенного вида, то, помещая соответствующую ситуацию во множество ситуаций, мы должны мыслить как минимум еще одну ситуацию, с ней *соотнесенную*.

Для прошедшего времени очевидны три возможности.

Во-первых, это «цепное» употребление, когда два глагола (из которых, по крайней мере, один – совершенного вида) обозначают два следующих одно за другим или, реже, одновременных однократных события, например: *Я вошел и зажег свет; Иван совершил грубый промах и чувствовал стыд*.

Во-вторых, это «соотносительно-кратное» употребление, по сути, та же цепь событий, но – повторяющихся, как, например, в предложении *Иван всегда так: ушел – и забыл погасить свет*.

В-третьих, это перфектное употребление, как в *Я сварил суп => ‘для говорящего в момент речи (или в другой явствующий из контекста опорный момент; чтоб не утяжелять изложение, всюду, где не оговаривается иное, считаем, что это момент речи; см. [Падучева 1996: 12–15 и мн. др.]) важен результат действия (скорее всего, важно, есть ли суп; в отсутствие противоречащего контекста это, скорее всего, значит, что суп есть)’* (подробнее о перфекте см. ниже).

Пояснение 1. Выбор между перечисленными возможностями обычно управляется достаточно простой логикой. Когда подходящая ситуация дана в контексте прямо, то, по принципу экономии мыслительных усилий, на роль соотнесенной выбирается именно она. Так обстоит в цепном и соотносительно-кратном употреблении СВ. Если такой ситуации нет, выбирается следующая по доступности ситуация, то есть *ситуация речи*, присутствие которой всегда гарантировано самим актом нашего говорения. Так возникает перфект с его вниманием к тому, что есть в момент речи.

Пояснение 2. Разумеется, иногда эта логика может усложняться. Если два события укладываются в цепь, то одновременно у них обоих или у одного из них может быть результат, который актуален в момент речи, то есть цепное и перфектное употребление могут быть совмещены; например, фраза *Я вошел и зажег свет* может значить ‘я нахожусь в данном помещении; там (мною) зажжен свет’, то есть два действия представлять не просто в их последовательности, но еще и каждое – в своем результате. Важно не то, что приведенные интерпретации совершенного вида друг друга исключают (это просто неверно), а лишь то, что для удачного употребления СВ необходим *хотя бы один* из приведенных смыслов. Очевидно, в цепи перфектное смысловое «приращение» с точки зрения собственного значения СВ не обязательно и будет возникать лишь там, где это отчетливо подсказывается контекстом. (А если цепи нет, как в *Я зажег свет*, перфект практически неизбежен.)

Пояснение 3. Термином «перфект» часто называют не только интересующее нас значение совершенного вида, но и синтаксическую модель, по которой построены кон-

¹¹ Наш *тип употребления* приблизительно соответствует более традиционному понятию частных видовых значений, от которого мы предпочли отказаться, ибо, по нашему мнению, все эти значения не представляют самостоятельных феноменов и хоть и сложным, но предсказуемым путем выводимы из видовых инвариантов, а с понятием частных значений довольно прочно связана противоположная коннотация – их несводимости к инварианту; см. [Зельдович 2002а; 2002б].

струкции типа *Книга (была) написана Иваном* (ясно, что эта конвенция скорее ориентирована на форму, а не на значение; ср. хотя бы так называемый экспериенциальный перфект вроде *Эта работа уже когда-то была сделана*, который по смыслу ближе к общефактическому несовершенному виду). Во избежание путаницы такие конструкции именуются ниже просто аналитическим пассивом.

6.1. Принципиально, что первые две возможности (возможность цепного и возможность соотносительно-кратного употребления) для страдательного залога исключены по очень простой причине. В обоих случаях два события друг с другом соотнесены, причем очевидно, что само их взаимосоположение во времени еще полноценной соотнесенности не дает: будь так, оказались бы безукоризненно правильны предложения вроде *Иван пролил молоко и выглянул на улицу*; *Иван всегда так: ушел – и позвонил приятелю*, однако принять их можно только в том случае, если мы домыслим (или контекст подскажет) для двух соотнесенных ситуаций какую-то более содержательную связь.

Реально эта связь в интересующих нас конструкциях бывает одного из двух типов – причинная (*Я вошел и зажег свет*; *Иван совершил грубый промах и чувствовал стыд*) или противительная (*Иван совершил грубый промах и не чувствовал стыда*; *Иван всегда так: ушел – и забыл погасить свет*).

Напомним: страдательный залог требует, чтобы ситуацию, которую можно назвать полной страдательной конструкцией *OVS*, можно было назвать и соответствующей редуцированной конструкцией *OV*.

Можно ли опустить субъект, если глагол употреблен по цепному или соотносительно-кратному типу? Разумеется, нет – потому что опущение какого-либо участника ситуации может быть безразлично в чисто денотативном плане (имея в виду одну и ту же ситуацию, мы можем сказать и *Иван убил Петра топором*, и *Иван убил Петра*, и *Петра убили*, и *Что-то произошло*, то есть каждый следующий редуцированный вариант может относиться к тому же факту действительности, что и предыдущий), но далеко не безразлично для ее причинно-следственных и противительных связей. Скажем, фраза *Ивана будут судить, потому что он убил Петра* связна даже в нулевом контексте, а фраза *Ивана будут судить, потому что Петра убили* приобретет связность, только если сделать дополнительные и неочевидные предположения (например, Иван должен был охранять Петра, либо Иван – единственный, кто вообще мог убить, и т. п.). Контраст, который есть в предложении *Иван читает книгу о бабочках, а Петр книгу о пчелах*, исчезает (и его отсутствие приводит к аномалии) в редуцированном *Иван читает книгу, а Петр книгу*. Если редуцировать противительное предложение *Иван читает книгу о бабочках, а Петр статью о пчелах* до *Иван читает книгу, а Петр статью*, то правильность оно сохранит, однако характер контраста станет совершенно иным.

Все это значит, что если бы в предложении страдательного залога совершенный вид употреблялся по цепной или соотносительно-кратной модели, то при опущении субъекта первоначальные причинно-следственные или противительные связи между данной ситуацией и другой ситуацией, с которой она соотносится, могли бы быть искажены. Следовательно, это была бы уже не та самая ситуация, которую обозначает форма с эксплицитным субъектом, и, таким образом, было бы нарушено необходимое для употребления пассива условие.

Отсюда вытекает, что ни цепное, ни соотносительно-кратное употребление совершенного вида в интересующих нас конструкциях не допустимо, и такой вариант мы можем далее не учитывать.

6.2. Сразу сделаем важное пояснение. Против сказанного как будто можно возразить: разве не сталкиваемся мы с вполне корректным цепным и соотносительно-кратным употреблением глагола в страдательном залоге аналитического типа – в примерах наподобие *Книга написана и сдана (...и сожжена)*; *У Ивана так: написана книга – и тут же сдана*?

Ответить можно так. Вообще и идея цепи, и идея кратной соотносительности не обязательно должны передаваться аспектуальными средствами (ср. несовершенный вид:

Цезарь приходит в Галлию и пишет...; Иван всегда так: приходит – и тут же убегает; ср. безглагольные предложения: Она сперва в парикмахерскую, потом в химчистку; Она всегда так – сперва чай, потом суп). Там, где глагол совершенного вида выступает в действительном залоге, идея цепи и идея кратной соотносительности передаются, среди прочего, самим этим глаголом, а в примерах из предыдущего абзаца – только его окружением.

Как мы уже говорили, три перечисленных выше типа употребления СВ – «цепной», соотносительно-кратный и перфектный – выводимы из его инвариантного значения, поэтому цепное и соотносительно-кратное употребление совершенного вида – это не просто контекстный эффект, но манифестация его собственных семантических свойств.

Что касается форм наподобие *Книга написана*, *Книга была написана*, то они от синтетического действительного совершенного вида отличаются весьма зримо (из огромной литературы см., например [Маслов 1983]). Во-первых, у этих форм есть три времени, а не два, что уже уподобляет их формам несовершенного вида. Это не удивительно, ибо вершиной таких форм является глагол *быть*, который к совершенному виду никак не относится. Во-вторых, эти формы по значению часто похожи на имперфектное (общефактическое) употребление все того же несовершенного вида; например, для *На защите диссертации выяснилось, что такая работа была уже сделана* вполне убедительна перифраза *...такую работу уже делали*; для *Я заступил на дежурство вечером. Больной уже был осмотрен* – перифраза *...Больного уже осматривали*. В-третьих, многие употребления интересующей нас формы, по крайней мере, похожи на многократный НСВ; ср. *Каждый раз, когда сделана работа (больной уже осмотрен), происходят нелепости*. В-четвертых, даже там, где рассматриваемые формы ближе к перфектному совершенному виду, ни о каком тождестве не может быть и речи.

Перфектный СВ показывает, что для говорящего (либо для кого-то другого, на чью точку зрения говорящий становится) *важно*, имеется ли результат действия в момент речи. При этом, с одной стороны, наличие результата никак не гарантируется (*Иван построил себе дом* можно произнести и тогда, когда говорящий не знает, цел этот дом или нет), но с другой стороны, если контекст не мешает такому пониманию, перфектный СВ обычно понимается в смысле 'результат есть'. Так, для последнего примера в нейтральном контексте наиболее вероятна интерпретация 'дом есть'; для *Я сварил суп* – интерпретация 'имеется суп'.

Что касается аналитического пассива, то в *настоящем* времени он *всегда и неукоснительно* значит, что результат *налицо*. Если дом снесли, то нельзя сказать *Дом построен*; если суп съели – плохо *Суп сварен*; если результаты работы уничтожены – аномально *Работа сделана*. Таким образом, перфектным значение этой формы считать ни в коем случае нельзя, ибо в перфекте результат вероятен, но не обязателен.

Аналитический пассив *прошедшего* времени тоже радикально отличается от перфекта, но уже тем, что последний результативное прочтение делает хоть и не обязательным, но *предпочтительным*, а первый в этом плане совершенно *нейтрален*. Фразы типа *Дом был построен; Суп был сварен; Работа была сделана* на наличие результата в момент речи даже не намекают. Ср. малосвязные тексты: *Дом был построен. ??Теперь его заселяют; Суп был сварен. ??Прошу к столу* (хотя правильно: *Дом построили, теперь заселяют; Суп сварили. Прошу к столу*).

Все это значит, что основное значение аналитических форм от значения совершенного вида в синтетической действительной форме *принципиально* *отлично* и что постулировать для них инвариант, подобный инварианту совершенного вида в действительном залоге, никоим образом нельзя. Каким бы ни был их собственный инвариант (если таковой найдется), ниоткуда не следует, что он сам по своей природе при определенных условиях будет требовать (а не просто ее допускать) цепной и соотносительно-кратной конкретизации.

Иными словами: если мы имеем дело с аналитическим пассивом типа *Книга написана и сдана*, то цепное и соотносительно-кратное значения – это всего лишь «контекстные наложения» и, избавившись от ситуации, с которой интересующая нас си-

туация соотносится (скажем, сократив *Книга написана и сдана* до *Книга написана*), мы останемся *при той же самой* ситуации, ибо собственное значение слова *написана* соотношения с *сдана* никак не требует. Будь же здесь употреблен синтетический пассив (типа **Книга написалась и сдалась*), который, как мы заключаем по аналогии, имел бы аспектуальные свойства действительного залога, то, игнорируя соотношенную ситуацию или изменяя характер соотношения, мы откажемся от чего-то такого, что в данном контексте предопределяется значением соответствующего глагола, то есть данная ситуация станет *не той, какая была*.

Именно поэтому при цепном и соотносительно-кратном употреблении в страдательном залоге синтетический пассив на -ся должен оказаться аномальным, а аналитический пассив – нет.

6.3. В итоге наших рассуждений единственно мыслимым для конструкций типа **Книга написалась Иваном* оказывается *перфектное* употребление глагола – употребление, при котором возникает импликатура

(30) ‘в момент речи важно что-то, что связано с названной ситуацией’, которая обычно доосмысливается до более конкретного,

(31) ‘в момент речи важен тот или иной результат соответствующего действия (события)’¹².

Результат надо понимать в самом широком смысле. В простейшем случае это «типовой», наиболее прямой результат соответствующего действия или события, например, для *Маша сварила французский суп* – наличие супа в момент речи, но под влиянием контекста идея результата способна принимать и другие, иногда весьма туманные формы. Так, при дополнительных предположениях приведенная фраза может подразумевать результаты ‘говорящему или кому-то еще теперь известно, что Маша умеет варить французский суп’, ‘Маша выиграла пари, что сварит французский суп, и ей причитается награда’ и т. д. Более того, хотя в огромном большинстве случаев использование перфектного совершенного вида означает, что результат действительно есть, иногда его может *и не быть*: тогда смысл совершенного вида только в том, что для говорящего *важно*, есть или нет результат в момент речи; ср.: *Я прочел эту книгу, но ничего ровным счетом не помню*.

Для нас особенно существенно, что тот или иной результат действия может быть *напрямую связан с индивидуальностью субъекта* – с тем, что субъект у действия именно *этот*, а не какой-то другой (говоря более точно, результат может состоять в том, что *на действии* лежит отпечаток индивидуальности субъекта, либо в том, что действие приводит к каким-то значимым переменам в «*собственной истории*» субъекта). При тематическом субъекте такой случай ощутимо маркирован: чтобы, например, понять (нейтрально интонированную) фразу *Маша сварила французский суп* в «субъектно ориентированном» смысле ‘говорящему или кому-то еще теперь известно, что Маша умеет варить французский суп’ или ‘Маша выиграла пари, что сварит французский суп, и ей причитается награда’, необходим специфический, ненулевой контекст. С другой стороны, при рематизации субъекта осмысление ‘субъект важен’ становится немаркированным и практически обязательным.

Так в предложении

(32) Французский суп сварила Маша

(здесь и ниже принимаем, что подчеркнутые фрагменты являются ремой) наверняка имеется в виду либо ‘Маша заслуживает похвалы (благодарности и т. п.; может быть – и порицания)’, либо ‘французский суп уже не надо варить никому другому’, либо ‘Маша

¹² Добавим, что импликатурный характер перфекта признается не только нашей, но и практически всякой другой аспектологической теорией. Обратим внимание, что в ситуациях, когда несовершенный вид заведомо неприемлем и видовая оппозиция «вырождена», потенциально перфектный совершенный употребляется без тени перфектного значения. Например, ввиду неповторимости действия нельзя сказать **Пушкин родился в 1799 году*. Поэтому во фразе *Пушкин родился в 1799 году* какой-либо интерес к наличию или отсутствию результата в момент речи усмотреть нельзя. В дальнейшем импликатурность перфектного значения будет весьма важна.

имеет обыкновение класть в суп все овощи, какие есть под рукой, так что уже не удастся приготовить овощной салат', либо что-то еще менее привычное, – но в любом случае этот результат связан именно с данным производителем действия и, выполни последнее не Маша, оказался бы иным. Аналогичен пример

(33) (Я получил письмо). Его написала девочка, где подразумевается, что либо уже по самому письму (по содержанию, стилю, почерку и т. п.) видно, *кто* его писал, либо для говорящего почему-то важно, от кого именно он получил письмо.

Для интерпретации совершенного вида такая «субъектно ориентированная» результативность принципиально важна.

Мы не хотим сказать, что смысл 'в связи с данным действием для говорящего в момент речи важна индивидуальность субъекта' имеется *только* в предложениях с совершенным видом глагола. При несовершенном виде он тоже возникает, ср.:

(34) Французский суп варила Маша.

(35) Письмо писала девочка, –

и, заметим, возникает при рематизации субъекта в безвидовых языках.

Особенность совершенного вида здесь в том, что его перфектное употребление с необходимостью *требует* интерпретации в духе 'в момент речи важно что-то, что связано с названной ситуацией' (см. выше п. 5) и эта потребность как раз и удовлетворяется за счет независимо возникающего, заведомо присутствующего в контексте смысла 'в связи с данным действием для говорящего в момент речи важна индивидуальность субъекта'.

Это значит, что «обычный», не ориентированный на индивидуальность субъекта перфектный смысл уже *не нужен*, чтобы успешно употребить совершенный вид, и поэтому должен стать *сугубо необязательным*.

О том, что это действительно так, свидетельствует несколько фактов.

Когда не задан особый контекст, заставляющий нас интересоваться особыми, *не непосредственными* результатами соответствующих действий, предложения типа *Маша сварила французский суп*; *Девочка написала письмо* мы воспримем как, соответственно, сообщение о наличии супа и наличии письма¹³. Если кто-то произнес такие предложения, а супа и письма в момент речи нет, допустимо утверждать, что он сказал неправду или во всяком случае пытался ввести адресата в заблуждение, либо что неудачно выразил свою мысль. Если в таком же нейтральном контексте произнести предложения с рематическим субъектом *Французский суп сварила Маша* или *Письмо написала девочка*, наличие супа и письма будет вероятным, но вовсе не обязательным, так что никакое из названных обвинений предъявить говорящему скорее всего нельзя.

Аналогичным образом, фразу *Окно разбил Иван* уместно произнести и тогда, когда окно уже застеклили, а результат состоит только в том, что Ивана надо наказать, осудить и т. п.

О том же самом говорят и примеры (36–39):

(36) Если Иван говорит, что Маша сварила французский суп, пусть покажет этот суп.

(37) Если Иван говорит, что девочка написала письмо, пусть покажет это письмо.

(38) ?Если Иван говорит, что французский суп сварила Маша, пусть покажет этот суп.

(39) ?Если Иван говорит, что письмо написала девочка, пусть покажет это письмо.

Почему неловки последние два предложения? Очевидно, не потому, что само желание увидеть суп или письмо здесь неоправданно (ибо говорящий, посмотрев на суп, в

¹³ Ниже, если не очевидно иное, мы будем ориентироваться именно на случай, когда к интерпретации перфектного СВ не примешиваются контекстные факторы. Из уже сказанного должно быть ясно, что при особом контексте наше представление о перфекте конкретного глагола может меняться в неограниченных пределах, так что учет соответствующего материала вылился бы в большую самостоятельную работу.

принципе может сам убедиться, кто его варил, а посмотрев на письмо, – кто его писал), а потому, что здесь наличие супа и письма хоть и вероятно, но отнюдь не гарантировано – а императивом *Пусть покажет...* нормально предполагается, что соответствующий объект *есть*.

Разумеется, примеры можно умножать: *Если Иван говорит, что Петр сделал заказанную работу, пусть покажет эту работу*; *Если Иван говорит, что работу сделал Петр, пусть покажет эту работу* и т. д.

Далее, предложение

(40) *Мое свадебное платье сшил (= > шил) лучший портной, будучи употреблено самостоятельно, оказывается, по крайней мере, неловким, но вполне приемлемо в контексте*

(41) Посмотрите на мое свадебное платье. Его сшил лучший портной. Здесь не место обсуждать, почему именно так, важно только, что о непосредственном, предопределенном семантикой глагола результате в (41) *говорится прямо*. Если бы он глаголом совершенного вида отчетливо подразумевался, возникла бы плеонастическая аномалия точно такого рода, как в *Маша сварила суп, и притом суп есть*.

Наконец, имеются случаи, когда обычный перфектный результат и результат «субъектно ориентированный» друг другу откровенно противоречат.

Сравним предложения:

(42) Заместитель начальника, у которого вовсе нет таких полномочий, уволил Ивана.

(43) Ивана уволил заместитель начальника, у которого вовсе нет таких полномочий.

Если в контексте нет на этот счет дополнительных указаний, то предложение (42) – предложение без рематизированного субъекта – скорее всего значит, что Иван перестал числиться в штате и не числится по настоящий момент, то есть, хоть и не имея таких прав официально, фактически заместитель начальника в полном – и притом перфектном! – смысле *совершил акт увольнения*.

Фразу (43), где субъект рематизирован, естественно понять совсем иначе – как сообщение об изначальной неправомерности увольнения (то есть, хотя Иван уже не числится в каких-то документах, этот факт лишен юридического значения) и/или о том, что акт увольнения уже упразднен.

Как видим, прямой перфектный результат и результат, связанный с субъектом, в данном случае просто несовместимы.

Такую же несовместимость можно увидеть и в примерах

(44) Маша варила суп, так что овощей в доме не осталось.

(45) Суп варила Маша, так что овощей в доме не осталось.

Здесь характер перфекта зависит от дополнительных контекстных предположений, а именно: фраза (44) предполагает стереотип ‘если варят суп, то в него кладут все овощи’, а фраза (45) – стереотип ‘Маша отличается от кого-то другого тем, что если она варит суп, то кладет все овощи’. Ясно, что второе предположение касается именно Маши и ее *отличия* от других, кто варит или мог бы варить суп и при этом *не кладет* или *не клал бы* в него все овощи – и потому *несовместимо* с предположением первым, а значит, не могут здесь совмещаться и результаты двух обсуждаемых типов.

Из изложенного следует, что если в предложении действительного залога выступает глагол совершенного вида и субъект рематичен, то перфектность совершенного вида реализуется как внимание – в связи с данным действием – к индивидуальности субъекта, а внимание к обычному результату данного действия вполне вероятно, но ничем не гарантировано.

7. Вернемся к нашему основному предмету – страдательным конструкциям с совершенным видом на -ся.

Если взять случай, когда субъект в таких конструкциях рематичен (вроде **Книга написана Иваном*), то причина их аномалии в свете сказанного совершенно прозрачна. В значении такого предложения должен присутствовать *субъектно ориентированный*

перфектный результат, а «стандартный» перфектный результат ничем не гарантирован. Если мы опустим субъект, то в предложении неизбежным образом будет подразумеваться уже «стандартный» результат (каков бы он ни был в деталях), а это значит, что такое предложение с эксплицитным субъектом и такое предложение без эксплицитного субъекта называют *разные ситуации*.

Поскольку же пассив предполагает, что *ту же самую ситуацию можно мыслить в отвлечении от субъекта (не эксплицируя субъект)*, постольку употребить страдательный залог в этих условиях нельзя.

8.1. Что касается предложений, где позиция субъекта не финальная и не ударная (ср. **Иваном написалась книга*; **Иваном книга (в конце концов) написалась*; **Нашей фирмой построилась дорога*; напомним, что интонация везде предполагается нейтральной. Мы сказали «не финальная и не ударная» потому, что называть эту позицию *тематической* неверно, см. чуть ниже), то к такому случаю наши рассуждения – несколько неожиданным образом – тоже полностью приложимы.

У нас есть три аргумента.

8.2. Первый из них – общего и слегка умозрительного характера. Хорошо известно (см., например [Givón 1982: 154]), что в языках самого разного строя коммуникативная парадигма страдательного залога (как это и вообще закономерно для парадигмы маркированного члена в оппозиции) обычно беднее, чем парадигма действительного. Если предположить, что это верно и для русского языка, и учесть несомненную возможность и тематизации объекта в пассиве, и его рематизации, а также то, что глагол и в активе, и в пассиве приблизительно одинаково тяготеет к рематичности, то остается сделать вывод, что субъект в пассиве, скорее всего, окажется неизменно рематическим, чем и будет обеспечена ожидаемая неполнота коммуникативной парадигмы.

8.3. Далее, даже если субъект в страдательных высказываниях наподобие *Иваном написана книга* признать тематическим, это будет тема совсем не того же типа, что в соответствующем активе (вроде *Иван написал книгу*). Это особенно наглядно при попытке такие высказывания контекстуализировать. Ср.:

(46) – Что можно сказать об Иване?

– (Что) Иван написал отчет.

– ?(Что) Иваном написан отчет.

(47) – Каковы успехи в работе?

– Иван написал отчет.

– Иваном написан отчет.

(48) – Что можно сказать о Маше?

– (Что) Маша сварила вкусный суп.

– ?(Что) Машей сварен вкусный суп.

(49) – Как обстоит с обедом?

– Прекрасно, Маша сварила вкусный суп.

– Прекрасно, Машей сварен вкусный суп.

Из этих примеров видно, что пассив хорош, если у него имеется некая *супертема*, не совпадающая с его субъектом: в этом случае успехи данной организации в работе или перспектива хорошего обеда (ясно, что актив тут нейтрален: он допускает контекстуализацию и по линии субъекта, и через такую же супертему).

Обратим внимание, что супертема должна быть весьма *конкретной*, а не, так сказать, «параметрической». Это не может быть просто *работа* или просто *вопрос об обеде*. Если в диалоге

(50) – Как обстоит с обедом?

– Прекрасно. Машей сварен вкусный суп

опустить слово *Прекрасно*, то возникнет ощущение лакуны: адресат должен будет сам домыслить, что супертема – не просто *обед*, но то, что *обед обещает быть очень хорошим*. Аналогично, если вместо вопроса об успехах в работе мы просто поинтересуемся *Как обстоит с работой?*, то ответ *Иваном написан отчет* будет менее естествен, хуже сообразован с вопросом, чем действительный залог *Иван написал отчет*.

Таким образом, интересующая нас супертема не просто задает определенное пространство возможностей (типа 'как обстоит с работой' или 'как обстоит с обедом'), но предполагает некое вполне конкретное знание – знание, что на работе имеются *успехи*, либо, наоборот, *неприятности*, что обед будет *хорошим*, либо, наоборот, *плохим* и т. п.

Помня об этом обстоятельстве, посмотрим на другие подтверждающие необходимость супертемы примеры:

(51) Повара этого ресторана готовят экзотические блюда.

(52) Поварами этого ресторана готовятся экзотические блюда.

(53) Повара этого ресторана готовят несъедобную дрянь.

(54) ?Поварами этого ресторана готовится несъедобная дрянь.

Действительный залог здесь тоже нейтрален (ср. одинаково приемлемые фразы (51) и (53)), а страдательный нет. В отличие от безоговорочно приемлемого (52), предложение (54) допустимо только при дополнительном контексте типа *Вы только подумайте: поварами этого ресторана готовится несъедобная дрянь; Немыслимо, что поварами этого ресторана готовится несъедобная дрянь*. Очевидное объяснение этому контрасту состоит в том, что конструкция (52) может предполагать супертему наподобие 'ресторан хороший', то есть супертему с позитивными коннотациями. Для (54) наиболее вероятная супертема – нечто в духе 'происходят возмутительные вещи'. Как хорошо известно, позитивный сценарий событий мы часто предполагаем по умолчанию, а сценарий, который нас не удовлетворяет, – нет¹⁴. Поэтому фраза (54) и требует прямого предварительного указания на возмущение говорящего.

Такого же типа контраст в примерах

(55) Этой фирмой построена новая дорога.

(56) ?Этой фирмой построена негодная дорога,

где для первого предложения супертему легко угадать (допустим, 'каковы успехи фирмы' или 'каковы достижения в дорожном строительстве'), а для второго, если мы хотим корректно его употребить, супертема вроде 'эта фирма не заслуживает доверия' должна быть эксплицирована.

Странность фраз

(57) ?Ланцелотом был убит дракон.

(58) ?Здесь фараоном Снофру была построена пирамида

объяснима тем, что тут крайне трудно найти подходящую супертему. (По-видимому, причиной является высокий ранг субъекта: сам субъект – слишком сильный претендент на тематическую роль, чтобы какая-то другая, тем более имплицитная (супер)тема могла с ним соперничать.)

Та же гипотеза о необходимости в пассиве супертемы подтверждается примерами наподобие

(59) Иван не написал отчет, его надо наказать.

(60) Иваном не написан отчет, ??его надо наказать.

(61) Иваном не написан отчет, ¹это грозит неприятностями (для нас всех).

Говоря абстрактно, если тот или иной актант предыдущего предложения (особенно – актант одушевленный, занимающий на шкале топиальности высшее место) тематичен, то он может стать и темой предложения следующего (ср. пример (59)). Однако в пассиве так не происходит: темой второго предложения здесь может стать домысленная *супер-*

¹⁴ Достаточно сказать, что если какое-то событие заведомо нежелательно и о нем в тексте говорится впервые, то соответствующий глагол почти никогда не будет тематическим, то есть не будет выступать в той части предложения, где говорится о саморазумеющихся вещах. Вот примеры, которые в несколько иной связи рассматривает Е.В. Падучева [2004: 500] (интонация нейтральная!): *Отопление включено (*отключено) неделю назад; Телега починена (*сломана) вчера; Магазин открыт (*закрыт) час назад*. Как пишет Е.В. Падучева, в подобных случаях «позитивные состояния совместимы с временным показателем в большей степени, чем негативные» [Там же]. Это вполне предсказуемо, ибо здесь обстоятельство (*неделю назад, вчера, час назад*), так сказать, «вытесняет» глагол в тему, а такое естественно, только если глаголом называется «позитивная», «нормальная» ситуация.

тема (для (61) – нечто вроде ‘в работе имеются нелады’), но не может – непосредственно выступающий в предложении субъект (пример (60)).

Как же объяснить эту необходимость домысливаемой или явствующей из контекста супертемы в пассиве?

Как мы уже говорили, всякое высказывание должно иметь (неважно, явную или скрытую) *референциально определенную* тему, через которую оно «сцепляется» с языковым или ситуативным контекстом [Yokoуama 1986; Jaeger 2001]. Если хоть одна такая тема есть, то никакие дополнительные темы не обязательны (см. особенно вторую из названных работ). В таком случае приведенные факты свидетельствуют, что субъект в страдательных предложениях *темой не является*, а значит – является хоть и не совсем привычной с виду, но – *ремой*.

Дополнительным подтверждением могут служить примеры

(62) Повара – и приготовили несъедобную дрянь.

(63) Известная фирма – и построила негодную дорогу.

(64) ?Поварами – и приготовлена несъедобная дрянь.

(65) ?Известной фирмой – и построена негодная дорога.

Очевидно, конструкция вида *А – и сделал Р* является хорошим тестом на тематичность А. Поэтому примеры (62–65) показывают, что тематизация субъекта в пассиве весьма проблематична.

8.4. Наконец, независимо от того, будем ли мы считать субъект в пассиве типа *Иваном пишется книга* ремой (хотя логично думать именно так), несомненно, что индивидуальность субъекта здесь для говорящего намного важнее, чем в соответствующем активе (типа *Иван пишет книгу*), а именно: используя пассивную конструкцию, говорящий практически всегда имеет в виду, что либо индивидуальность субъекта отпечатлевается в особенностях действия, либо совершение действия каким-то заметным образом изменяет «жизненную историю» субъекта.

Рассмотрим по очереди оба эти варианта.

Вариант 1: индивидуальность субъекта отпечатлевается в особенностях действия. Сравним примеры:

(66) Иван написал статью, по которой совершенно не видно, кто ее писал.

(67) ??Иваном написана статья, по которой совершенно не видно, кто ее писал.

Чем объяснить их неодинаковую приемлемость? Вполне убедительный ответ состоит в том, что страдательное предложение *Иваном написана статья* не просто привлекает внимание к особенностям статьи, но и заставляет интересоваться, как в этих особенностях проявилась личность автора, – а контекст интересоваться этим, напротив, мешает. Действительное предложение *Иван написал статью* нейтрально: оно не исключает нашего интереса к ее особенностям, но при этом допускает, что особенностей, в которых бы проявилась авторская индивидуальность, нет.

Можно спросить, не состоит ли причина неловкости (67) просто в отсутствии эксплицитной супертемы, которая, как мы убедились, во многих случаях неловкие конструкции способна «спасти». По-видимому, нет. Признать правильным текст наподобие

(68) В редакции все разваливается. Петр устроил скандал, а Иваном написана статья, по которой совершенно не видно, кто ее писал

или несколько экзотический текст вроде

(69) У нас имеется единый стилистический стандарт. Вчера Иваном написана статья, по которой совершенно не видно, кто ее писал

допустимо только при условии, что признак ‘по статье не видно, кто ее писал’ оценивается как негативный или позитивный, но ни в коем случае не нейтральный. Между тем в принципе это отнюдь не обязательно: фразу (66) можно понять как упрек, как похвалу, как беспристрастную констатацию факта или как сообщение о недоумении говорящего, который не знает, оценивать ли это хорошо, плохо и оценивать ли вообще.

Таким образом, чтобы «спасти» конструкцию (67), нужна не только супертема (‘в редакции все разваливается’; ‘у нас имеется единый стилистический стандарт’), но и переосмысление самой этой конструкции – причем именно такое, при котором отсут-

ствие авторских примет стиля становится чем-то плохим или хорошим, то есть чем-то таким, в чем уже *можно* усмотреть отпечаток личности писавшего.

Странен и второй пример в следующей паре:

(70) Они там рассматривают пустячный вопрос.

(71) ??Ими там рассматривается пустячный вопрос.

Не улучшит фразу (71) даже введение супертемы типа *Они там пустозвоны...* Причина аномалии в том, что индивидуальность субъекта должна повлиять на характер действия, но о действии – словом *пустячный* – сказано нечто такое, что с представлением о его «личностной окраске» плохо совместимо (ср. правильное: *Ими там рассматривается важный вопрос*).

Если актер читает стихи, то в манере чтения обычно проявляется его индивидуальность, но индивидуальность священника стереотипно не проявляется в молитве. Отсюда контраст между (72) и (73):

(72) Актерами театра читались стихи Блока.

(73) ??Священником читалась молитва.

Какая эксплицитная супертема могла бы улучшить фразу (73), совершенно не видно. Похоже обстоит в примерах (74–75), где заведомо ослабленное влияние субъекта на характер действия мешает употребить пассив:

(74) Наши сотрудники разрабатывают проект новой дороги. В качестве образца используют давно разработанный типовый проект.

(75) ?Нашими сотрудниками разрабатывается проект новой дороги. В качестве образца используют давно разработанный типовый проект.

В паре предложений

(76) Маша сварила точно такой же суп, как Таня.

(77) Машей сварен точно такой же суп, как Таней

второе правильно, но при этом отчетливо маркировано и уместно, если только предполагается, что Танин суп в чем-то особенный и, повторив ее достижение (или – неудачу), Маша совершила нечто из ряда выходящее, то есть, вновь-таки, на супе отразилось, кто именно его готовил.

Далее, предложение

(78) Если бухгалтер допустил в отчете ошибку, то фирме придется платить штраф совместимо и со стереотипом ‘если *кто-то* из фирмы допустил в отчете ошибку, то фирма платит штраф’, и со стереотипом ‘если *бухгалтер* ошибся, то фирма платит штраф’, а страдательное предложение

(79) Если бухгалтером допущена ошибка, то фирме придется платить штраф – только со *второй* из этих предпосылок, то есть с той, которая предполагает особое влияние субъекта на характер действия и его последствия.

Если, допустим, министерство образования разработало подробный проект учебника математики, то в такой ситуации фразу

(80) Иван пишет (написал) учебник математики

наиболее естественно понять в том смысле, что Иван только *исполняет* (*исполнил*) определенное задание и что профессиональная индивидуальность Ивана в содержании учебника не отражается. С другой стороны, при таких же условиях страдательное предложение

(81) Иваном пишется (написан) учебник математики,

вопреки неблагоприятствующему контексту, скорее будет означать, что индивидуальность Ивана в учебнике все-таки *проявлена*.

Ту же закономерность иллюстрируют и следующие тексты:

(82) Новая фирма строит (построила) дорогу к городу. Можете себе представить, что нас ждет.

(83) Новой фирмой строится (построена) дорога к городу. Можете себе представить, что нас ждет.

Сама по себе кода обоих текстов *Можете себе представить, что нас ждет* по значению предельно туманна, всякая конкретизация оставлена тут на усмотрение адресата. Тем выразительнее контраст между интерпретацией этой фразы в (82) и в (83). Если

предположить нейтральную интонацию, при которой *новая фирма* тематична, то текст (82) скорее значит, что дурными последствиями обернется само *появление дороги*, а текст (83) – что неприятности будут связаны именно с тем, что строит или построила *новая фирма*: может оказаться низким качество работ, могут быть не учтены экологические требования и т. п.

Разумеется, если в тексте (82) *новую фирму* сильно акцентировать и этим перевести в ремю, он тоже будет значить, что неприятности связываются с новизной фирмы. Для нас, однако, важно то, что в страдательном залоге даже при *не рематическом* субъекте – как в примерах (81) и (83) – действие все равно несет на себе отпечаток *этого* субъекта.

Все сказанное с некоторыми поправками относится и к абстрактным субъектам. Ср.:

(84) Эти рассуждения подтверждают известную истину, что...

(85) ?Этими рассуждениями подтверждается известная истина, что...

Фраза (85) улучшится, если сказать *Этими рассуждениями еще раз подтверждается известная истина, что...*, – улучшится потому, что в таком случае даже очередное подтверждение данной истины для нас значимо и чем-то существенным отлично от иных подтверждений, так что на *этом* подтверждении отпечатлеваются особенности *этих* рассуждений.

Как мы сказали, важность субъекта может иметь и другую манифестацию: не на действии отпечатлелась его личность, но само действие как-то сказывается на его дальнейшей «истории». В этом случае картина аналогичная: если естественно заинтересоваться собственной историей субъекта и тем, что *для него* изменилось в результате действия, но контекст делает такое изменение маловероятным, то действительный залог употребляется без натяжек, а страдательный неловок.

Рассмотрим тексты:

(86) Маша сварила суп, а Петя купил торт – так что оба отличились.

(87) Машей сварен суп, а Петей куплен торт – так что оба отличились.

(88) Маша сварила суп, а Петя купил торт – хотя их заслуги я в этом не вижу: оба сделали то, что были должны.

(89) ?Машей сварен суп, а Петей куплен торт – хотя их заслуги я в этом не вижу: оба сделали то, что были должны.

Финал каждого текста ориентирует наше восприятие не на особенности супа или торта, а на собственную историю сварившего или купившего субъекта. Если при этом о субъекте сообщается нечто определенно новое (*оба отличились*), то страдательная конструкция хороша (ср. (87)), а если признать наличие того нового, что касалось бы субъекта, говорящий отказывается (*их заслуги нет*), то пассив странен (ср. (89)).

Ср. дополнительно:

(90) Маша, как всегда, сварила суп, а Петя, как всегда, купил торт.

(91) ?Машей, как всегда, сварен суп, а Петей, как всегда, куплен торт.

О предрасположенности страдательного залога характеризовать «историю субъекта» говорят и примеры несколько иного рода. Страдательная фраза

(92) Этой книгой произведен фурор,
скорее всего, характеризует книгу (как замечательную, страшную, скандальную и т. п.), а соответствующий действительный залог

(93) Эта книга произвела фурор
одинаково допустим и в этом смысле, и как сообщение о самой по себе реакции читателей (они потрясены или возмущены, все бросились книгу покупать и т. п.).

Сказать

(94) Иван разбил машину
можно, имея в виду, что машину придется чинить, а соответствующая страдательная фраза

(95) Иваном разбита машина
сообщает скорее об Иване – о том, что его надо наказать, и т. п.

Активное предложение

(96) Это растение местные индейцы употребляют против боли
легко продолжить в духе ...и ты можешь этим способом воспользоваться или ...у него
замечательные свойства, а пассив

(97) Это растение местными индейцами употребляется против боли
скорее требует, чтобы речь в продолжении шла об *индейцах* (...поэтому они его так
ценят; ...поэтому они здоровы; ...поэтому они так часто опьянены и проч.).

Особым образом характерная для пассива важность субъекта проявляет себя в во-
просах типа (99). Из предложений

(98) Кто сварил (варит) суп?

(99) Кем сварен (варится) суп?

оба допустимы, но второе – только при дополнительном условии, что суп *действи-*
тельно сварен или варится (в то время как первое допускает реакцию типа *Супа никто*
не сварил, Супа никто не варит – то есть это предложение может быть сказано, чтобы
просто поинтересоваться, сварен ли или варится ли суп вообще). Это ограничение тоже
вытекает из особого внимания к субъекту: и предположение, что индивидуальность
субъекта отразилась в действии, и предположение, что в результате действия измени-
лось что-то важное для субъекта, вполне корректны только в том случае, если действие
состоялось.

Как видим, хотя субъект страдательной конструкции понижен в синтаксическом ран-
ге, его коммуникативная значимость при этом парадоксальным образом *повышается*.

8.5. Все приведенные факты свидетельствуют, что даже там, где субъект в пассиве
занимает безударную позицию (как в *Иваном пишется книга*), он в связи с данным
действием определенно важен, а следовательно, будь тут употреблен перфектный со-
вершенный вид, соответствующий результат имеет все шансы оказаться результатом
субъектно ориентированным.

Поэтому к конструкциям типа **Иваном написалась книга; *Нашей фирмой построи-*
лась дорога в полной мере относится то объяснение, которое мы дали выше нашим
парадигматическим примерам **Книга написалась Иваном* и **Дорога построилась нашей*
фирмой – примерам с недвусмысленно рематическим субъектом.

9. Теперь нам надо ответить еще на три вопроса: во-первых, почему аналогичная
аномалия не возникает в аналитическом пассиве (типа *Книга написана Иваном*); во-вто-
рых, почему при некоторых особых условиях аномалия в синтетическом пассиве на -ся
с совершенным видом глагола смягчается (напомним, что такое смягчение происходит,
когда опущен субъект, когда время глагола будущее, а также в некоторых изолирован-
ных примерах типа (20–21); еще один благоприятный фактор будет описан в п. 11.5);
в-третьих, почему эта прагматическая по сути аномалия неожиданным образом оказыва-
ется столь серьезной. Обычно в противоречащем контексте импликатура просто снима-
ется – без какой бы то ни было неловкости. Следовательно, ущербность примеров типа
**Книга написалась Иваном* получит полноценное объяснение, только если мы покажем,
что имплицатурный смысл «важности субъекта» дополнительно усиливается особыми,
далеко не всегда сопутствующими возникновению импликатур обстоятельствами.

Ответу на эти вопросы посвящены, соответственно, разделы 10, 11 и 12.

10. Почему нормален синтетический пассив типа

(100) а. Книга написана Иваном;

б. Книга была написана Иваном.

(101) а. Дорога построена нашей фирмой;

б. Дорога была построена нашей фирмой,

объяснить нетрудно.

Безусловно, здесь результат действия, скорее всего, несет на себе «отпечаток субъ-
екта»: на книге сказало(сь) (скажется), что писал (будет писать) ее именно Иван. Однако
при переходе от таких конструкций с эксплицитным субъектом к конструкции без фор-

мального субъекта (типа *Книга написана*) никаких наращений в связанных с результативностью смыслах *не происходит*.

Как мы уже упоминали по другому поводу в п. 6.2, конструкции в настоящем времени (100a–101a) всегда и без исключений результативны в том смысле, что самый прямой, непосредственный результат действия сохранен в момент речи: фраза (100a) значит, что есть книга, фраза (101a) – что имеется дорога. Ср. неприемлемые тексты: **Книга написана Иваном. К сожалению, она уже уничтожена; *Дорогу, которая построена нашей фирмой, разрушил оползень.*

Этот же результат *сохраняется* – а не *появляется(!)* – и в конструкциях с опущенным субъектом, вроде *Книга написана, Дорога построена*. Поэтому опущение субъекта и исчезновение «субъектно ориентированной» результативности не ведет здесь к появлению какого бы то ни было *нового* смысла, так что в приведенных фразах смысл соответствующей конструкции с эксплицитным субъектом подвергается только редукции, но никак не амплификации. Поэтому с помощью только что приведенных предложений мы можем представлять *ту же* самую ситуацию, что и с помощью (100a) и (101a), а следовательно, то налагаемое страдательным залогом требование, которое нарушено в конструкциях типа **Книга написалась Иваном, *Дорога построилась нашей фирмой*, здесь *выполняется*.

Выполняется оно и в (100b–101b) – но по другой причине.

В п. 6.2 по поводу пассива прошедшего времени мы говорили, что он о наличном в момент речи результате просто ничего не сообщает. В этом его отличие от перфектного СВ, который в нейтральном контексте заставляет нас думать, что результат есть. Напомним примеры: правильно *Суп сварили. Прошу к столу* с перфектным СВ, но anomalно *Суп был сварен. ??Прошу к столу* с аналитическим пассивом; правильно *Дом построили, теперь заселяют*, но не *Дом был построен. ??Теперь его заселяют*.

Если же о результате в конструкциях типа (100b–101b) просто не сообщается, то неоткуда и взяться аномалии описанного нами рода.

Таким образом, отличие аналитического пассива СВ от (предположительно перфектного) синтетического в том, что последний говорит о результате, но эту информацию мы на прагматических основаниях должны доосмыслить – причем делать это будем по-разному при эксплицитном субъекте и при его отсутствии, – а первый либо (когда время настоящее) *кодирует* представление о результате как непременно наличном в момент речи, либо (если время прошедшее) о наличии результата в момент речи вообще не говорит. Ни в том, ни в другом случае устранение субъекта не чревато переосмыслением результативности, а значит – и аномалией¹⁵.

11.1. Теперь обратимся к факторам, которые смягчают аномалию в предложениях типа **Книга написалась Иваном*.

11.2. Как мы видели в п. 1.3, такие предложения лучше, если у них нет эксплицитного субъекта. Пример (1) лучше, чем (2); (3) – лучше, чем (4); (15) – лучше, чем (10–14):

- (1) ??? Дорога уже построилась.
- (2) * Дорога уже построилась нашей фирмой.
- (3) ? Книга написалась.
- (4) * Книга написалась Иваном.
- (15) ? Смета составит за пять минут.
- (10) ??? Такая смета составит нашим компьютером.
- (11) ?? Такая смета составила нашим компьютером.
- (12) ?? Смета составила компьютером за две минуты.
- (13) ?? Смета составила компьютером.
- (14) ??? Смета хорошо (легко) составила компьютером.

¹⁵ Что касается аналитического пассива будущего времени, как в *Книга будет написана, Дом будет построен*, то здесь результативность и ее отсутствие вообще противопоставлены крайне слабо.

Думаем, объяснение очевидно: если субъект должен здесь как-то влиять на интерпретацию результата и именно в этом состоит в конечном счете источник аномалии, то субъект эксплицированный будет это делать в большей степени, чем субъект скрытый. В последнем случае надо говорить о нашей принципиальной *готовности* назвать субъект и о том, что этот субъект *способен* повлиять на характер результата: фразы без эксплицитного субъекта и фразы с эксплицитным субъектом различаются по своей приемлемости настолько, насколько по своей явленности, очевидности различаются (злокачественная) потенция и свершившийся факт.

11.3. Далее, нужно объяснить, почему синтетический пассив СВ обычно несколько лучше там, где время глагола будущее, ср.:

(5) ??Эта книга напишется не Иваном, а кем-то другим.

(6) *Эта книга написалась не Иваном, а кем-то другим.

(10) ???Такая смета составитсЯ нашим компьютером.

(11) ??Такая смета составилась нашим компьютером.

(18) ^{1/2}Дорога осилится не простым терпением путника, а каким-то иным терпением (Ю. Нагибин).

(19) ?Дорога осилилась не простым терпением путника, а каким-то иным терпением.

Что же меняется при переводе глагола в будущее время?

Если глагол будущего времени употреблен не по цепному и не по соотносительно-кратному типу (эти возможности, как мы убедились в п. 6.1, в пассиве заблокированы), то есть два варианта.

Во-первых, значение глагола может быть перфектным, только точкой отсчета служит не момент речи, а заданный в контексте момент будущего. Разумеется, к этому варианту в полной мере относится все то, что сказано выше по поводу перфектного значения в прошедшем времени, и потому возникающая здесь аномалия весьма серьезна. Ср. контрастную пару, где фразой *В следующем году мы здесь поселимся* в будущем задается конкретная точка отсчета:

(102) а. ?В следующем году здесь и электричество появится, и дорога построится.

б. В следующем году мы здесь поселимся. Будет уже электричество, *дорога (уже) построится.

Во-вторых, значение глагола может быть квазиперфектным: соотносительной ситуацией оказывается тоже результат действия, но результат, не приуроченный ни к какому определенному моменту (силой вещей обычно это время, наступающее непосредственно после события).

Разумеется, если нет мощной поддержки контекста, из двух этих вариантов – собственно перфектного и квазиперфектного – намного вероятнее второй.

При этом принципиально, что по сравнению с перфектным квазиперфектное значение *более тривиально* [Зельдович 2002а; 2002б].

Всякий глагол совершенного вида (возможно, за вычетом делимитативов) называет событие, то есть изменение мира. Будем ли мы сообщать о событии, используя глагол совершенного вида, используя несовершенный вид, используя лишенный вида глагол, – если мы изъясняемся на безвидовом языке – или даже вообще на языке жестов, остается верным, что, делая такое сообщение, мы практически всегда интересуемся *результатом* этого события.

Если же мы захотим дополнительно приурочить результат к конкретному времени, то для этого потребуются серьезная поддержка контекста (когда, допустим, нас *заведомо* интересует результат, как он явлен *сразу же* после события, либо, наоборот, какое-то время *спустя* и т. п.) и/или определенный выбор глагольной видо-временной формы (так, русский совершенный вид в прошедшем времени специально привлекает внимание к моменту речи).

Отсюда следует, что, по крайней мере, в тех случаях, где нет рематизированного субъекта (который сильно меняет наши изначальные представления о результате), внимание к результату при квазиперфекте более естественно – и меньше бросается в глаза.

Иными словами: если в страдательной конструкции интересующего нас типа устранить рематический субъект, вместо субъектно ориентированного перфектного результата должен появиться результат, содержательно такой же «стандартный», как в случае с прошедшим временем, но при этом не привязанный к конкретному моменту (наиболее вероятно, повторим, что он локализован во времени непосредственно после события), а потому, так сказать, более «саморазумеющийся» – и менее заметный. Соответственно, менее заметным должно оказаться и то *противоречие* между субъектно ориентированным результатом и результатом стандартным, которое ответственно за обсуждаемую аномалию.

Заметим под конец, что наше объяснение целиком приложимо и к высказываниям с совершенным видом в сослагательном или повелительном наклонении, таким как ^{??}*Если бы эта книга написалась не Иваном, а кем-то другим, наверняка не разразилась бы такая критическая буря*; [?]*Составься такая смета компьютером, она бы оказалась намного удобнее для чтения*. Ясно, что если неиндикативный глагол помещает соответствующее событие в ирреальный мир, то и собственно перфектному значению – значению, соотносящему действие с неизбежно помещенным в *реальный* мир моментом речи, – возникнуть чрезвычайно трудно. Поэтому здесь более вероятен квазиперфект, и аномалия несколько мягче, чем, соответственно, в (4) **Книга написалась Иваном* и в (13) ^{??}*Смета составила компьютером*.

11.4. Что касается безукоризненного примера

(20) [!]*Следовало бы отдать под суд боцмана, если все, что говорил Митюшин, подтвердится дознанием* (К. Станюкович; пример заимствован из статьи Н.В. Перцова)

и почти безукоризненного

(21) ^{!/?}*Книга Поля де Крюи «Охотники за микробами» читается с большим интересом и специалистом-микробиологом и юношей, не издавшим еще ни одной научной книги* (Н. Кольцов; пример заимствован из статьи Н.В. Перцова),

то дело объясняется просто.

Как мы уже говорили, *дознание* – это не самостоятельно существующий агенс, а *способ* что-то подтвердить. Если мы стремимся что-то (юридически значимым способом) подтвердить или опровергнуть, то это значит, что имеет место дознание. В таком случае на особенностях действия особенности данного субъекта отразиться *не могут*. Субъектно ориентированный перфектный результат и результат стандартный в данном случае суть одно и то же, так что приводящее в других подобных конструкциях к аномалии противоречие здесь целиком снято.

Снято оно и в (21) – только не за счет выбора субъекта, а благодаря прямому указанию, что субъект *безразличен*: кто бы ни читал книгу, будет читать с интересом. (Выше мы уже говорили, что если структуру *и специалистом-микробиологом и юношей* редуцировать до одного только *специалистом-микробиологом* или до одного только *юношей*, предложение станет плохим, ср. ^{??}*...читается с большим интересом специалистом-микробиологом* и ^{??}*...читается с большим интересом юношей, не издавшим еще ни одной научной книги*.)

11.5. Напоследок стоит упомянуть еще об одном «исправляющем» факторе, который пока не привлек нашего внимания, но действие которого в свете нашей гипотезы хорошо объяснимо.

Сравним примеры в парах:

(103) а. [?]*Такая смета составит любым бухгалтером*;

б. ^{*}*Такая смета составит нашим бухгалтером Петровым*.

(104) а. [?]*Такая смета составит нашим компьютером*;

б. ^{*}*Такая смета составит нашим бухгалтером Петровым*.

(105) а. [?]*Такая дорога уложится даже самыми неквалифицированными рабочими*;

б. ^{*}*Такая дорога уложится даже рабочими Ивановым и Сидоровым*.

(106) а. [?]*Такая дорога уложится даже самым примитивным асфальтоукладчиком*;

б. ^{*}*Такая дорога уложится даже рабочими Ивановым и Сидоровым*.

Как видим, при прочих равных условиях лучше, если субъект нереферентен (ср. (103а) и (103б), (105а) и (105б)), и лучше, если субъект неагентивен (ср. (104а) и (104б), (106а) и (106б)). По-видимому, и референтный, то есть конкретизированный, и агентивный субъект имеет больше шансов оказать осязаемое влияние на характер результата – то влияние, которое правильности подобных конструкций идет в ущерб.

12.1. Обратимся теперь к третьему и самому сложному из поставленных выше, в п. 9, вопросов.

Напомним: аномалия в предложениях типа **Книга написана Иваном* возникает оттого, что (а) в страдательном предложении непременно должна иметься возможность мыслить эту же самую ситуацию в отвлечении от субъекта, но (б) перфектное значение совершенного вида здесь ориентировано на субъект и потому, игнорируя конкретику субъекта, мы эту же ситуацию мыслить не можем.

Требование (а) неотменимо, ибо оно прямо вытекает из дефиниции страдательного залога. С другой стороны, как мы уже говорили в п. 5, ориентированное на субъект перфектное значение вида – это всего лишь *импликатура*, то есть смысл, который не закодирован в значении совершенного вида, но восстанавливается по определенным правилам на основании того, что собственно *сказано*, а потому – этот смысл в принципе отменим (ср. [Грайс 1985]).

Вообще говоря, если из двух ожидаемых от высказывания несовместимых смыслов один принадлежит к *закодированной* информации, а другой имплицатурен, то импликатура просто *подавляется*, и никаких аномалий не возникает.

Например, слово *некоторые* обычно несет импликатуру ‘не все’, но ее нет в противоречащем ей контексте типа *некоторые и даже все* (другие примеры с этим словом приводятся в [Matsumoto 1995]). Слово *все* (‘нет таких, которые не...’) несет импликатуру существования соответствующих объектов, например, фраза *Все слоны – млекопитающие* прагматически предполагает реальное существование слонов, хотя с чисто логической точки зрения она была бы истинна и в случае, если бы слонов не было: ведь ее логическое содержание – всего лишь ‘нет слона, который не является млекопитающим’ (ср. [Moravčsik 1991]). Тем не менее, в противоречащем контексте даже эта весьма устойчивая импликатура может исчезать, ср.: *Все опоздавшие на мою лекцию, если таковые найдутся, будут наказаны* (адаптировано из [Moravčsik 1991]).

Должен возникнуть вопрос, почему же нежелательная в конструкциях типа **Книга написана Иваном* импликатура ‘результат действия несет на себе индивидуальный отпечаток данного субъекта’ *не* подавляется, оказываясь настолько сильной, что ее конфликт со смыслом ‘ситуацию можно мыслить в отвлечении от субъекта’ порождает аномалию.

Ответ состоит из двух частей.

1. Эта импликатура имеет не один, а *два* независимых источника.

2. Имеющая сразу *два* независимых источника импликатура вообще оказывается исключительно устойчивой, неотменимой.

Ниже мы покажем сначала первое (это сравнительно легко), а потом – второе (и здесь аргументация будет более пространной).

12.2. Если задуматься, каковы в точности источники имплицатуры ‘на результате действия отразились особенности данного конкретного субъекта’, станет ясно, что их *два*.

Во-первых, это сам по себе *выбор страдательного залога*.

Стандартные определения страдательного залога (например, в [Мельчук 2004]) обычно оговаривают, что по материальному, денотативному содержанию пассивное предложение не отличается от соответствующего активного. Мы думаем, что это не совсем так. Например, временная отнесенность у страдательной конструкции далеко не всегда та же, что у действительной: пассив нередко используется для того, чтобы не

просто описать какую-то в принципе хорошо локализуемую во времени ситуацию, но чтобы через это описание дать *более общую* характеристику подлежащего (объекта)¹⁶.

Другая – и важная сейчас – особенность страдательных предложений с эксплицированным субъектом состоит в том, что к этому субъекту – даже если он тематичен – *обращено особое внимание*: ср. многочисленные примеры из п. 8.4. (Примеры (70–75), (80–85), (96–97) дополнительно демонстрируют *полную независимость* между высоким прагматическим статусом субъекта и выбором именно совершенного вида.)

Во-вторых, это *выбор совершенного вида*. Перфектный СВ используется там, где нас интересует результат действия, и если этот результат – заведомо субъектно ориентированный, то нас уже не обязательно интересует (а в некоторых случаях – и *не может* интересовать) результат «стандартный» (см. выше анализ примеров (36–45)). Поэтому СВ в страдательном контексте удовлетворяет свою потребность в соотнесенной ситуации именно за счет такого – заведомо присутствующего – интереса к тому, как на характере действия отразилась индивидуальность субъекта или как само действие сказалось на его «истории». Поскольку перфектный СВ отличен от имперфектного НСВ лишь тем, что привлекает внимание к результату, то выбор СВ в интересующих нас предложениях сигнализирует об интересе к субъектно ориентированному результату *дополнительно и совершенно самостоятельно*.

Поэтому в конструкциях типа **Книга написалась Иваном* импликатура ‘в связи с результатом действия важна индивидуальность субъекта’ действительно должна иметь сразу *два* источника. Первый – это выбор пассивной конструкции, второй – это совершенный вид глагола, причем эти источники друг от друга не зависят: образовать страдательный залог, в принципе, можно от предложения и с совершенным, и с несовершенным видом глагола, а выбрать совершенный вид, в принципе, можно и в действительном, и в страдательном залоге.

12.3. Теперь нам осталось убедиться, что импликатура будет устойчивой, если она возникает благодаря одновременному действию двух независимых факторов.

12.4. Вообще говоря, хотя основоположник современной прагматики П. Грайс считал отменимость одним из диагностических свойств импликатуры (и – наоборот – неотменимость, способность влиять на истинностное значение соответствующих высказываний, – признаком *семантически* выраженного смысла), современные исследователи от этого взгляда все решительнее отходят. Так, в замечательной книге С. Левинсона [Levinson 2000] специально исследуется «пограничье» между семантикой и прагматикой и анализируются многочисленные ситуации, когда от импликатуры зависит истинностное значение соответствующих высказываний – то есть импликатура столь же сильна, устойчива, сколь и семантически выраженные смыслы¹⁷.

Приведем примеры.

Давно обращалось внимание на неоднозначность названий числа: скажем, в зависимости от контекста, *три* может значить ‘ровно три’, ‘три или меньше’ и ‘три или больше’, причем природа у всех этих вариаций несомненно прагматическая (см., например [Ariel 2002]): смыслы ‘ровно’, ‘меньше’ и ‘больше’ суть не что иное, как импликатуры¹⁸.

¹⁶ См. подробнее [Зельдович 2009 (ркп.)]. Имеется, кстати, типологическая тенденция к стативизации пассива по сравнению с действительным залогом. См. в особенности работы Т. Гивона, например [Givón 1982].

¹⁷ Работа С. Левинсона выполнена в русле грайсовской прагматики. Другое господствующее течение – так называемая теория релевантности – от тезиса о принципиальной отменимости прагматически вычисляемых смыслов отказывается еще решительнее; ср. хотя бы [Carston 2002].

¹⁸ Ср. соответственно:

(i) – Сколько у тебя машин?
– Три (‘ровно три’).
(ii) Тот, у кого три машины, платит повышенный экологический налог (=> ‘тот, у кого больше трех машин, (тоже) платит повышенный экологический налог’).
(iii) Тот, у кого три машины, освобождается от экологического налога (=> ‘тот, у кого меньше трех машин, (тоже) освобождается от экологического налога’).

Тем не менее, такая импликатура способна влиять на истинность высказывания. Например, сообщение *Вон тот мужчина, у которого в руках три цветка, – мой брат, а тот, у которого пять, – мой шурин* не могло бы состояться, если бы импликатура ‘ровно’ (ровно три цветка, ровно пять) не была «жесткой»: в ином случае выражение «мужчина, у которого в руках три цветка» допускало бы интерпретацию ‘мужчина, у которого три цветка или больше’, а выражение «тот, у которого пять» – ‘тот, у которого пять или меньше’, – и различить этих мужчин приведенная фраза никак бы не помогала.

Разумеется, на общем фоне сильные импликации все-таки остаются скорее исключением, и источники их силы еще ждут исследования. Тем не менее, об одном из этих источников здесь можно уверенно говорить¹⁹.

12.5. Рассмотрим примеры:

- (107) а. До Южного полюса лежал еще долгий-долгий путь;
б. Небо было светло-синим.

Предложение (а) логически ничем не отличается от такого же предложения без редупликации *долгий-долгий* (*До Южного полюса лежал еще долгий путь*), но имплицитно еще, что путь был *необычно, очень* долгий [Levinson 2000]. Предложение (б) не исключает логически, что небо было *голубым* (ибо *голубой* – безусловно разновидность *светло-синего* и даже, скорее всего, наиболее прототипический представитель этого цвета), однако, поскольку слово *голубым* не употреблено, прагматически имплицитно, что оттенок неба был иной, такой, что *голубым* к нему не подходит [McCawley 1978].

Примеры (107а) и (107б) в одно и то же время и сходны, и не сходны.

Сходство состоит в том, что (пользуемся исконно Грайсовской терминологией) названные импликации в обоих случаях возникают благодаря так называемому «постулату способа выражения» (*Maxim of manner*). Он гласит, что обо всем, что происходит *обычным* образом, *обычным* же образом следует и говорить (см. подробнее [Levinson 2000]). Очевидно, если путь *по-обычному* долгий, то и сказать надо просто *долгий*; если небо *по-обычному* голубое, то и сказать надо – *голубое*. Поскольку в примерах (107) выбран необычный способ изъяснения, эти фразы несут импликацию «необычности»²⁰.

Таким образом, с точки зрения источника импликаций (107а) и (107б) предельно похожи. Это важно для корректности наших рассуждений, ибо импликации, имеющие свой источник в *разных* прагматических постулатах, обладают заведомо разной силой [Levinson 2000: 153–166].

С другой стороны, между предложениями (107а) и (107б) есть огромное различие, и это различие – в устойчивости порожденных ими импликаций. Если мы попробуем последние отменить, результат будет совершенно различный:

- (108) а. До Южного полюса лежал еще долгий-долгий путь. *Впрочем, не хочу сказать, что он был особенно долгий²¹;
б. Небо было светло-синим, то есть я хочу сказать – голубым.

¹⁹ Следующий раздел работы повторяет многие наши рассуждения из [Зельдович 2005]. Однако в данном контексте они столь важны, что не воспроизвести их нельзя.

²⁰ В параллель к предложению (107б) можно вспомнить популярный английский пример *John caused Peter's death* ‘Джон каузировал смерть Питера’, где употреблением оборота *to cause death* ‘каузировать смерть’ вместо *to kill* или *to murder* ‘убить’ имплицитно, что Джон сделал это каким-то *необычным* образом, т. е., во всяком случае, не застрелил Питера и не зарезал [McCawley 1978].

²¹ Ср. без редупликации: *До Южного полюса лежал еще долгий путь. ?Впрочем, не хочу сказать, что он был особенно долгий*. Самое большее, что есть в этом тексте, – лишь некоторая неловкость, но отнюдь не та режущая ухо аномалия, что в (108а).

Заметим еще, что обсуждаемая импликация, подобно другим сильным импликациям и в отличие от импликаций обычных, попадает в сферу действия включающих предикатов. Так, во фразе *Боюсь, некоторые уже пришли* предметом опасения ни в коем случае не является то, что пришли *не все*, а в *Боюсь, предстоит еще долгий-долгий путь* говорящий боится именно того, что путь окажется не *по-обычному* долгим.

Текст (а) вопиюще бессвязен, текст (б) – совершенно естественный.

В чем тут дело?

Повторим: все интересующие нас импликатуры возникают потому, что говорящий вместо какой-то единицы *U'* употребил достаточно близкую тематически, но противопоставленную ей единицу *U*, причем предполагается, что выбор *U* предпочтительно перед *U'* – осознанный или, по крайней мере, (бессознательно) *значимый*.

И в этом плане ситуация в (107а) и (107б) совершенно различная. В (107а) единица *U'*, которую говорящий не употребил, – это нередуцированное *долгий*. В (107б) *U'* – слово *голубой*. В первом случае отвергнутое *U'* *присутствует* в произнесенном предложении – в составе оборота *долгий-долгий*, а во втором *U'* *голубой* прямо в предложении не представлено.

Таким образом, хотя мы и предполагаем, что предпочтение *U* перед *U'* *значимо*, в интерпретации (107б) может играть свою роль и тот факт, что, допустим, в момент речи слово *голубой* просто не подвернулось говорящему на язык, он его в момент речи *не вспомнил*. Что же касается (107а), то здесь наличие *U'* *долгий* в составе *U* *долгий-долгий* *гарантирует* значимость сделанного говорящим выбора, и отсюда – исключительная сила импликатуры ‘пусть не по-обычному (сверх обычного) *долгий*’.

Обобщить этот вывод можно следующим образом:

(109) Импликатура очень сильна (трудноотменима и, следовательно, принадлежит к тому, что сказано, от чего зависят условия истинности данного предложения), если

(а) она возникает за счет выбора единицы *U* вместо противопоставленной ей единицы *U'*;

(б) контекст дает хорошие гарантии, что выбор единицы *U* *не случаен*.

Раньше, чем использовать принцип (109) для объяснения аномалии в **Книга написана Иваном* и т. п., мы бы хотели показать его объяснительную силу на дополнительном материале.

Неслучайность выбора может обеспечиваться различными факторами, например – прагматической доступностью противопоставленной – и не употребленной! – единицы *U'*. Эту доступность единицы *U'* можно понимать как (а) ее наличие в формальной и/или семантической структуре предложения или (б) как ее заведомое присутствие в сознании говорящего, гарантированное уже употреблением той единицы *U*, которая реально употреблена. Вариант (а) иллюстрировался предложением (107а), а примером случая (б) послужит слово *мало*, которое мы рассмотрим немного подробнее.

12.6. Для простоты (детали изложены в [Зельдович 1999]) будем предполагать, что речь идет о прототипической для него экзистенциальной конструкции

(110) Где-то есть мало *X*-а,

как, допустим, во фразе

(111) В чайнике мало воды.

Очевидно, (110) означает, что *X* присутствует, т. е., скажем, предложение (111) употребимо тогда, когда вода в чайнике *есть*. Следует ли отсюда, что слово *мало* в (110) выражает идею ‘*X* есть’ *семантически*, что эта идея в значении слова *мало* *закодирована*? Ответить надо отрицательно, и вот почему.

Во-первых, хотя идея существования *X*-а отменима гораздо хуже, чем многие «образцовые» импликатуры, но все-таки попытка ее отменить порождает не настолько грубую аномалию, как попытка отменить смыслы, чья принадлежность к собственно семантике несомненна. Так, пример

(112) ??В чайнике мало воды – то есть ее там вовсе нет,

хоть и неуклюж, но значительно лучше, чем, допустим,

(113) *Джон бросил курить – то есть он никогда и не был курильщиком.

Во-вторых, будь идея ‘*X* есть’ частью семантики *мало*, по своему коммуникативному статусу она, вне всяких сомнений, оказалась бы пресуппозицией (ср. хотя бы *В чайнике мало воды* и *Неверно, что в чайнике мало воды*, где смысл ‘вода есть’ присутствует в обоих случаях).

Но эта гипотеза ведет к серьезным осложнениям.

Рассмотрим предложение:

(114) В чайнике есть немало накипи.

Оно допускает интерпретацию, при которой подчеркнутый фрагмент составляет одну (сложную) рему²². Примем, что слово *немало* точно так же, как и *мало*, **предполагает** бытие соответствующего объекта (почему это делается, будет видно немного ниже). В таком случае нужно признать, что смысл 'X (= накипь) наличествует' выражен в (114) дважды (во-первых, словом *есть*, во-вторых, словом *немало*), причем один раз в виде *ассерции* (ибо *есть* рематично и его смысл 'наличия' не может быть ничем, кроме *ассерции*), а второй раз – в виде *презумпции*.

На посторонних примерах можно продемонстрировать, что такая ситуация законами построения коммуникативной структуры не допускается (ср. [Зельдович 1998: 92–93]).

Так, можно сказать:

(115) а. Вагонетка поднимается вверх;

б. Вагонетка спускается вниз.

Смысл этих предложений отчасти тавтологичен, так как идея движения, соответственно вверх и вниз, выражена в каждом дважды – глаголом *подниматься / спускаться* и наречием *вверх / вниз*. Поэтому мы можем понимать фрагменты *поднимается вверх* и *спускается вниз* либо как одну сложную рему, либо как одну сложную тему²³, но ни в коем случае не имеем права считать (и соответствующим образом интонировать эти предложения), что главной ремой является само по себе наречие или сам по себе глагол. Ср. неправильные примеры (жирным шрифтом обозначен акцент на соответствующем слове):

(116) а. *Вагонетка поднимается **вверх**;

б. *Вагонетка **поднимается** вверх;

в. *Вагонетка спускается **вниз**;

г. *Вагонетка **спускается** вниз²⁴.

Если освободить глаголы от смысла 'вверх'/'вниз', то конструкции этого типа вполне нормальны; ср. (117) с не конкретизирующим направления глаголом *ползти*:

(117) а. Вагонетка ползет **вверх**;

б. Вагонетка **ползет** вверх;

в. Вагонетка ползет **вниз**;

г. Вагонетка **ползет** вниз.

Отсюда следует, что в нашем примере (114) *В чайнике есть немало накипи* слово *есть* (*накипь*) к реме не принадлежит и принадлежать не может, – вывод, интуитивно абсурдный и заставляющий что-то пересмотреть в наших исходных установках, а именно – отказаться от мысли, что у *немало* (*X-a*) имеется пресуппозиция 'X есть'.

²² Фраза *В чайнике есть немало воды* тоже допускает аналогичное прочтение, только наличие в чайнике воды более естественно, чем наличие накипи, и оттого *вода* тяготеет все-таки к тематичности, так что оперировать примером (114) будет удобнее.

²³ Второй вариант малоестествен и предполагает, что акцент делается на слове *вагонетка*.

²⁴ Предполагается, что рема здесь обычная, а не контрастная. Если рема контрастная, как, допустим, в ситуации, когда *наперед* известно, что вагонетка может подниматься *прямо* вверх, *влево* вверх или *вправо* вверх, то эти фразы допустимы. Однако здесь мы имеем дело уже с другими, омонимичными, предложениями. Когда рема обычная, то *независимо* от того, идет ли вагонетка просто вверх, направо вверх или налево вверх, можно сказать: *Вагонетка движется **вверх***. Когда рема контрастная, то эта фраза означает 'вагонетка движется *вертикально* вверх, *не влево и не вправо*', так что логические свойства, т. е. условия истинности, оказываются разными. Контрастная рема ***вверх*** потому и уместна, что здесь она *не повторяет полностью* того, что уже предполагалось в теме. Тема *Вагонетка поднимается* в такой ситуации допускает ряд возможностей: «строго вверх – вверх и вправо – вверх и влево», – и рема хороша потому, что из этого ряда какие-то (вторую и третью) *исключает* – как и полагается реме, ср., например [Bogusławski 1977].

Ввиду изложенного, либо первоначальный анализ слова *мало* как содержащего семантическую пресуппозицию ‘данный объект X [= объект, которого мало] есть’ также должен быть отвергнут, либо нужно доказать, что отрицание *немало* в (114) имеет свойства, принципиально иные, нежели слово *мало*, которое нас интересует.

Говоря конкретнее, нужно доказать, что отрицание *не* обладает здесь свойством «отменять» присущую слову без отрицания пресуппозицию, т. е. речь должна идти о том, что *не* в *немало* – это отрицание *металингвистическое* [Ногн 1985], то отрицание, которое в принципе способно относиться к любому аспекту семантики (и не только даже семантики) соответствующего высказывания. Хрестоматийный пример такого отрицания –

(118) Король Франции не лыс – потому что во Франции нет никакого короля.

Однако признать отрицание *не* в *немало* металингвистическим мешают, по крайней мере, два обстоятельства. Во-первых, интуитивно оно совсем иного рода, чем отрицание в (118). Во-вторых, у отрицания в *немало* есть неоспоримое добавочное, фразеологическое значение, которое грубо можно представить как ‘сравнительно много’ [Богуславский 1985: 24–38]. Однако нам неизвестен пример, где бы фразеологизированное отрицание было вместе с тем металингвистично и «сняло» пресуппозиции.

Изложенное показывает, что смысл ‘X есть’ в значении *мало* X-а *семантически не выражается*.

С другой стороны, этот смысл всегда сопровождает употребления слова *мало* – даже и там, где он никак не подсказывается контекстом: если, допустим, фразу

(111) В чайнике мало воды

можно считать синтаксически и семантически производной от

(119) В чайнике вода

и утверждать, что наличие воды в (111) *закодировано*, то ничто подобное не будет справедливо для ответа в диалоге (120):

(120) – В чайнике есть вода?

– Мало.

На заданный здесь вопрос вполне могло быть отвечено – *Нет*; следовательно, нигде в контексте смысл ‘вода есть’ не присутствует или во всяком случае может не присутствовать, а между тем он во второй реплике (120) есть и, таким образом, связан, во-первых, со словом *мало*, а во-вторых, с его *прагматикой*, а не семантикой.

Зная теперь, что ‘X есть’ – это порождаемая словом *мало* импликатура²⁵, обратим внимание на ее исключительную устойчивость. Пример

(112) ?? В чайнике мало воды – то есть ее там вовсе нет

показывает, что отделаться от обсуждаемого смысла весьма тяжело.

Источник трудностей – в значении слова *мало*, которое мы пытались уже истолковать в другом месте [Зельдович 1999], и здесь нашу экспликацию приведем без подробных комментариев.

Существо в том, что, во-первых, слово *мало* можно (и нужно, ибо альтернативы не видно) истолковать в аргументативном ключе, учитывая те *следствия*, к которым ведет или способно вести соответствующее высказывание (ср. [Ducrot 1980]), во-вторых, по своему влиянию на эти следствия слово *мало* хоть и не тождественно, но в высокой степени подобно обычному отрицанию (ср.: *В чайнике нет воды, так что чаю мы не выпьем*; *В чайнике мало воды, так что чаю мы не выпьем*). Предложенное в [Зельдович 1999] толкование выглядит приблизительно так:

Есть мало X-а =

(121) ‘об экзистенциальной пропозиции «есть X» можно сказать что-то такое, что из этого можно вывести такие следствия, как если бы X-а не было’.

²⁵ Механизмы ее порождения для нас не важны. Скажем лишь, что здесь входит в игру уже известный нам Грайсов постулат способа выражения. Если бы говорящий хотел просто сказать, что ‘X-а нет’, он сказал бы это прямо, а не так усложненно, как представляет вещи слово *мало* (см. ниже его толкование).

Теперь нетрудно понять, отчего слово *мало* имплицитно подразумевает наличие X-а с такой необычной силой. Дело в том, что, используя *мало*, говорящий автоматически должен иметь в виду ту единицу U' ('X-а нет'), которая противостоит реально осуществившейся имплицатуре 'X есть', – ибо эта единица входит – на правах фрагмента – в семантику слова *мало*.

Замечание. Не исключено также, что играет здесь роль и примитивность, «базовость» структуры 'X есть' и отрицания в любом естественном языке. Может считаться компетентным носителем языка человек, не знающий, допустим, слова *трискаидекафобия* (боязнь числа 13), но едва ли – человек, не способный сообщить о наличии чего-то и не способный это наличие отрицать.

В пользу принципа (109) говорит и то, что он позволяет легко справиться с одной исключительно неприятной для Грайсовской прагматической теории трудностью.

По П. Грайсу, в структуре P_1 и P_2 ни союз *и* как таковой, ни порядок конъюнктов на истинность соответствующих предложений никак не влияют. В качестве контрпримера предлагается следующий текст ([Saul 2002: 362]; даем русский перевод, где все нас интересующее обстоит так же, как в английском оригинале):

(122) Если Георгина и Гораций поженились и обзавелись детьми, то традиционалисты будут их уважать; если же Георгина и Гораций обзавелись детьми и поженились, то традиционалисты их уважать не будут.

Очевидно, здесь порядок конъюнктов исключительно важен, и связанные с ним имплицатуры 'сначала поженились, *потом* обзавелись детьми' или 'сначала обзавелись детьми, *потом* поженились' влияют на условия истинности, т. е. явно принадлежат к сказанному.

Очень не хотелось бы объяснять этот факт, постулируя для союза *и* особое значение, при котором P_1 и P_2 просто в силу своей семантики значит ' P_1 , и *затем* P_2 ', – ибо здесь мы возвращаемся к тому, от чего отталкивался П. Грайс и что противоречит всему духу современной прагматики (ср. хотя бы [Rad. pragm. 1981]).

С другой стороны, более или менее ортодоксальный последователь Грайса вынужден будет признать, что текст (122), имеющий структуру 'если P_1 и P_2 , то P_3 ; если P_2 и P_1 , то *не* P_3 ', попросту внутренне противоречив. Так и сделано в [Saul 2002: 362–364]: автор считает, что истинный, коммуникативно важный смысл данного текста формируется на уровне имплицатур ('если P_1 и *потом* P_2 , то P_3 ; если P_2 и *потом* P_1 , то *не* P_3 '), а его противоречивость на семантическом уровне как-то остается незамеченной.

Однако можно ли признать, что текст (122) подобен предложениям вроде *Он высокий и не высокий; Сейчас темно и не темно?* Кажется, вся наша интуиция против такого вывода восстает.

Чтобы получить истинное решение задачи, нужно, по-видимому, во-первых, признать, что имплицатура «последовательности» ('раньше P_1 , потом P_2 ' или наоборот) принадлежит к тому, что в (122) *сказано*, а во-вторых, объяснить, *почему* это так.

Первое сделано Р. Карстон (см. снова [Saul 2002: 361–364]), а второе очень легко сделать, вспомнив наш принцип (109).

Допустим, кто-то сказал предложение, имеющее структуру *Если P_1 и P_2 , то P_3* . Очень вероятно, здесь имплицитно подразумевается, что *сначала* (было бы, если бы было) P_1 , а потом – (было бы) P_2 . Вместе с тем, такая имплицатура достаточно слаба – и как раз потому, что могло быть и так, что говорящему P_1 и P_2 просто вспомнились именно в таком порядке²⁶.

Если же кто-то сказал предложение типа (122), чья структура – *Если P_1 и P_2 , то P_3 ; если P_2 и P_1 , то не P_3* , – то, поскольку говорящим предъявлены сразу же (очень важно, видимо, что в рамках некоего интонационного единства) и вариант ' P_1 и P_2 ', и вариант ' P_2 и P_1 ', случайность выбора практически исключается, а соответствующая имплицатура 'сначала одно, после другое' становится очень сильной, т. е. частью сказанного.

²⁶ Ср. нормальный текст: *Если он включил свет и вошел в комнату, то наверняка заметил пропажу телевизора. То есть я хотел сказать – если вошел в комнату и включил свет.*

12.7. Вернемся теперь к нашему основному предмету – страдательному залогу типа **Книга написалась Иваном*.

Мы выяснили, во-первых, что противоречащая природе пассива (а именно – исключающая возможность мыслить ситуацию в отвлечении от субъекта) имплицатура ‘в связи с результатом важен конкретный субъект’ возникает здесь из *двух независимых* источников (см. п. 12.2), во-вторых, что такая имплицатура *должна* быть сильной (12.4–12.6).

Учитывая это, аномалию в интересующих нас конструкциях можно считать объясненной.

13. Таким образом, страдательный залог предполагает, что ситуацию можно мыслить в отвлечении от субъекта, но употребление совершенного вида на -ся, который должен был бы иметь в страдательном залоге перфектное значение – причем такое, при котором в связи с результатом важна индивидуальность данного субъекта, – мыслить ситуацию в отвлечении от субъекта мешает – ибо при переходе к (формально) бессубъектной конструкции изменится тип результата и это уже не будет *та же самая* ситуация. Внимание к субъекту является имплицатурой, но эта имплицатура имеет сразу два источника, поэтому она оказывается устойчивой и в противоречащем ей страдательном контексте не снимается, но порождает аномалию.

Как видим, причина неправильности предложений наподобие **Книга написалась Иваном* не стилистическая, но именно смысловая.

Что касается приемлемых предложений такого типа (*Белье постиралось, Книга у меня прочиталась захлеб* и т. п.), то ввиду сказанного к страдательным их причислить никак нельзя. Считать их декаузативными тоже было бы странно, ибо в декаузативе каузатор всегда неопределенный, в принципе не конкретизируемый (мы говорили об этом в п. 1). Поскольку здесь очевидным образом нельзя вести речь также ни о медиальности (источником действия является *само* белье, *сама* книга), ни о возвратности в узком смысле, то, скорее всего, такие предложения формируют совершенно новый, промежуточный класс возвратных конструкций, оказывающийся своего рода гибридом между пассивом и декаузативом.

Возможно, пассив и декаузатив – это две крайние точки на шкале «явленности» каузатора, который в декаузативе всегда укрыт и всегда неодушевленный, а в пассиве очень нагляден и тяготеет к одушевленности (в русском языке он всегда может получить поверхностное выражение; вероятность, что пассив можно образовать, тем выше, чем этот каузатор агентивнее, а стало быть, «явленнее» [Shibatani 1985: 830–837; Сибатани 1999]; важный русский материал см. в [Зельдович 2007]). В таком случае срединное пространство данного континуума логично было бы тоже заполнить – что язык и делает с помощью конструкций типа *Белье постиралось*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 2004 – Ю.Д. *Апресян*. Принципы организации центра и периферии в лексике и грамматике // Типологические обоснования в грамматике. М., 2004.
- Богуславский 1985 – И.М. *Богуславский*. Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.
- Грайс 1985 – П. *Грайс*. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985.
- Зельдович 1998 – Г.М. *Зельдович*. Русские временные квантификаторы // Wiener Slawistischer Almanach. Sbd. 46. 1998.
- Зельдович 1999 – Г.М. *Зельдович*. О типологии квантификаторов // ИАН СЛЯ. 1999. Т. 58. № 5–6.
- Зельдович 2002а – Г.М. *Зельдович*. Семантика и прагматика совершенного вида // ВЯ. 2002. № 4.

- Зельдович 2002б – Г.М. Зельдович. Русский вид: Семантика и прагматика. Тогуń, 2002.
- Зельдович 2005 – Г.М. Зельдович. Русское предикативное имя. Тогуń, 2005.
- Зельдович 2007 – Г.М. Зельдович. Страдательный залог и шкала агентивности // *Glottodydaktyka i jej konteksty interkulturowe*. Warszawa, 2006.
- Зельдович 2009 (ркп.) – Г.М. Зельдович. Почему русские глаголы бывают двувидовыми? (рукопись).
- Маслов 1983 — Ю.С. Маслов. Результатив, перфект и глагольный вид // Типология результативных конструкций. Л., 1983.
- Мельчук 2004 — И.А. Мельчук. Определение категории залога и исчисление возможных залогов // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М., 2004.
- Падучева 1996 – Е.В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 2001 – Е.В. Падучева. Каузативные глаголы и декаузативы в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1.
- Падучева 2004 – Е.В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Перцов 2003 – Н.В. Перцов. Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии // ВЯ. 2003. № 4.
- Сибатани 1999 – М. Сибатани. Переходность и залог в свете фактов японского языка // Типология и теория языка. От описания к объяснению. М., 1999.
- Храковский 2004 – В.С. Храковский. Концепция диатез и залогов // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М., 2004.
- Arce-Arenales, Axelrod, Fox 1994 – M. Arce-Arenales, M. Axelrod, B. Fox. Active voice and middle diathesis // B. Fox, P. Hopper (eds.). *Voice. Form and function*. Amsterdam, 1994.
- Ariel 2002 – M. Ariel. Privileged interactional interpretations // *Journal of pragmatics*. 2002. V. 34. № 8.
- Blevins 2003 – J. Blevins. Passives and impersonals // *Journal of linguistics*. 2003. V. 39. № 3.
- Bogusławski 1977 – A. Bogusławski. Problems of the thematic-rhematic structure of sentences. Warszawa, 1977.
- Carston 2002 – R. Carston. Thoughts and utterances. The pragmatics of explicit communication. Oxford, 2002.
- Comrie 1977 – B. Comrie. In defense of spontaneous demotion: The impersonal passive // P. Cole, J.M. Sadock (eds.). *Syntax and semantics*. V. 8. New York, etc., 1977.
- Comrie 1982 – B. Comrie. Grammatical relations in Huichol // P. Hopper, S. Thompson (eds.). *Studies in transitivity. Syntax and semantics*. V. 15. New York, etc., 1982.
- Croft 1994 – W. Croft. Voice: beyond control and affectedness // P. Hopper, B. Fox (eds.). *Voice: Form and function*. Amsterdam, 1994.
- Dowty 1991 – D. Dowty. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*. 1991. V. 67. № 3.
- Ducrot 1980 – O. Ducrot. Les échelles argumentatives. Paris, 1980.
- Gerritsen 1990 – N. Gerritsen. Russian reflexive verbs: In search of unity in diversity (Studies in Slavic and general linguistics. 15). Amsterdam; Atlanta, 1990.
- Givón 1982 – T. Givón. Transitivity, topicality, and the Ute impersonal passive // P. Hopper, S. Thompson (eds.). *Studies in transitivity. Syntax and semantics*. V. 15. New York, etc., 1982.
- Givón 1984 – T. Givón. Direct object and dative shifting: Semantic and pragmatic case // F. Plank (ed.). *Objects*. London, 1984.
- Grimshaw 1990 – J. Grimshaw. Argument structure. MIT Press, 1990.
- Haig 1982 – H. Haig. Passivization in modern Western Armenian // P. Hopper, S. Thompson (eds.). *Studies in transitivity. Syntax and semantics*. V. 15. New York, etc., 1982.
- Hopper, Thompson 1980 – P. Hopper, S. Thompson. Transitivity in grammar and discourse // *Language*. 1980. V. 56. № 2.
- Horn 1985 – L. Horn. Metalinguistic negation and pragmatic ambiguity // *Language*. 1985. V. 61. № 1.

- Israeli 1997 – *A. Israeli*. Semantics and pragmatics of the «Reflexive» verbs in Russian. München, 1997.
- Jaeger 2001 – *G. Jaeger*. Topic-comment structure and the contrast between stage level and individual level predicates // *Journal of semantics*. 2001. V. 18. № 2.
- Levinson 2000 – *S. Levinson*. Presumptive meanings. Cambridge, 2000.
- Matsumoto 1995 – *Y. Matsumoto*. The conversational condition on Horn scales // *Linguistics and philosophy*. 1995. V. 18. № 1.
- McCawley 1978 – *J. McCawley*. Conversational implicature and the lexicon // *Syntax and semantics*. V. 9. Pragmatics. New York, etc., 1978.
- Moravčsik 1991 – *J. Moravčsik*. 'All A's are B's': Form and content // *Journal of pragmatics*. 16. 1991.
- Noonan 1994 – *M. Noonan*. A tale of two passives in Irish // B. Fox, P. Hopper (eds.). *Voice. Form and function*. Amsterdam, 1994.
- Rad. pragm. 1981 – *P. Cole* (ed.). *Radical pragmatics*. New York, 1981.
- Saul 2002 – *J.M. Saul*. What is said and psychological reality // *Linguistics and philosophy*. 2002. V. 25.
- Shibatani 1985 – *M. Shibatani*. Passive and related constructions: A prototype analysis // *Language*. 1985. V. 61. № 4.
- Siewierska 1984 – *A. Siewierska*. *The passive*. London, 1984.
- Siewierska 2005 – *A. Siewierska*. Passive constructions // M. Haspelmath, M.S. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.). *World atlas of language structure*. Oxford, 2005.
- Wierzbicka 1985 – *A. Wierzbicka*. *Lexicography and conceptual analysis*. Ann Arbor, 1985.
- Yokoyama 1986 – *O. Yokoyama*. *Discourse and word order*. Amsterdam, 1986.